Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

A XV
Худ. лит-ра

(Особое приложенiе къ газетѣ „Сибирь").

Арестантскiя дѣти.

(Посвящается П. А. К—ой).

А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской (Ев. Матѳея Гл. 18 Стх. 6).

Волны жаркаго, iюльскаго солнца свободно врывались въ окна моей квартиры, внося вмѣстѣ съ собою много свѣту и еще больше теплоты. Славный день. Во всѣхъ отношенiяхъ хорошiй. Въ добавокъ—табельный.

Лежу на диванѣ и слушаю разговоръ двухъ солдатиковъ, усѣвшихся на скамейкѣ подъ моимъ окномъ послѣ выпитой, по случаю табельнаго дня, казенной „порцiи" т. е. чарки водки. „Порцiя" по „положенiю" „идетъ солдату" ровно девять разъ въ годъ, стало быть такое положенiе солдатикъ цѣнитъ дороже дванадесятаго праздника. Подъ окномъ сидитъ Антоновъ (Антоша—по солдатскому прозванью) и Никитинъ, мой писарь (Лаврентьичъ, какъ его называетъ команда). Солдаты, вѣдь, всякаго наровятъ непремѣнно по своему перекрестить.

Истребивъ казенную чарку, мясную порцiю и пирогъ съ осердьемъ, Антоша и Лаврентьичъ вышли прогуляться. Усѣлись они на скамеечкѣ въ моемъ садикѣ, закурили трубочки и мирно бесѣдуютъ, ни мало не подозрѣвая, что мое нескромное ухо чутко прислушивается къ этой бесѣдѣ. „Спитъ, молъ, его благородiе; въ этакую теплынь да особливо, когда хорошенько пообѣдаешь, первымъ дѣломъ на сонъ позываетъ". Но я не сплю. Можетъ быть я и не отказался-бы всхрапнуть часочекъ, потому что дѣйствительно позываетъ на сонъ, если бы со двора казармъ не доносились до меня звуки гармонiйки. Звуки эти такъ веселы, что даже, лежа на диванѣ, постукиваешь въ тактъ имъ каблукомъ объ каблукъ и пощелкиваешь двумя пальцами. Какой - же сонъ пойдетъ тутъ на умъ? Это Устиновъ наигрываетъ. Веселый парень Устиновъ, лихо играетъ на гармонiйкѣ мертваго, кажись, способенъ поднять изъ гроба своею игрой. Даже, какъ въ Ламай идемъ съ партiей, такъ фельдфебель проситъ:

— Позвольте, ваше благородiе, Устинову гармонiйку съ собой захватить. Дѣвки больно прошлый разъ просили, чтобы онъ съ гармонiей явился. Охочи они подъ его музыку плясать".

Позволяешь. Отчего-же и не позволить? Вечеромъ, въ воскресенье, по приходѣ на полуэтапъ, когда повѣрятъ арестантовъ и запрутъ ихъ въ камеры, Устиновъ собираетъ вокругъ себя кружокъ и давай закатывать. Смотришь. ламайскiя дѣвки соберутся на музыку, хороводъ пойдетъ, непринужденно веселятся солдатики; а о дѣвкахъ и говорить нечего,—пляшутъ до упаду, визжатъ отъ полноты удовольствiя и восторгаются такъ, какъ врядъ ли способенъ восторгаться какой нибудь

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

знатокъ и любитель музыки, слушая игру знаменитѣйшаго европейскаго виртуоза. Только одни ламайскіе парни остаются недовольны концертами Устинова. Столпившись у воротъ, они сумрачно поглядываютъ на веселье солдатиковъ; такъ и кажется, что каждый изъ нихъ хочетъ сказать: „Ишь, медвѣди развойскіе!—всѣхъ дѣвокъ у насъ переманили“. Но что-же дѣлать? Общественная наша жизнь устроена такъ, что наслажденіе одного человѣка непремѣнно влечетъ за собою непріятность для другаго; а какъ Боже оборони, замѣшается въ дѣло баба, такъ безъ непріятности для кого—нибудь, навѣрное, не обойдется. Поэтому то совсѣмъ напрасно ламайскіе парни винятъ солдатиковъ и косятся на Устинова. И Устиновъ и солдатики держатъ себя степенно, зря къ дѣвкамъ не пристаютъ; твердо помня, что силой милымъ не быть; а что если ламайскія красавицы, опьяненныя эстетическимъ наслажденіемъ, доставляемымъ звуками гармонійки, льнутъ съ каждой минутой все ближе и ближе къ „развойскимъ медвѣдямъ“ и лишаютъ на цѣлое воскресенье ламайскихъ парней своего общества, такъ при чемъ же тутъ солдатики? Какъ вѣжливые кавалеры, солдаты не могутъ отталкивать отъ себя разохотившихся красавицъ, тѣмъ болѣе, что въ остальные шесть дней недѣли, этихъ красавицъ и въ глаза не увидишь. Только въ воскресенье гармонійка Устинова заставляетъ юныхъ ламайскихъ „Юлій“ измѣнять своимъ постояннымъ „Ромео“, только одинъ день въ недѣлю звуки этой гармонійки съ наступленіемъ сумерокъ вызываютъ за собою на полуэтапномъ дворѣ таинственный шопотъ, сдерживаемое хихиканье, довольно явственный шорохъ и звукъ поцѣлуя. Въ остальные дни недѣли полуэтапный дворъ остается совершенно безмолвнымъ, солдатики шагаютъ за арестантами или зубрятъ различные „артикулы“ и никто не мѣшаетъ ламайскимъ парнямъ раздѣлять съ своими красавицами блага міра сего. Зачѣмъ-же быть такими эгоистами, отчего и солдатиковъ не пожалѣть? Такіе взгляды въ особенности неумѣстны въ нашъ современный вѣкъ, когда, при всеобщей воинской повинности, каждый ламайскій „Ромео“ легко можетъ превратиться въ „развойскаго медвѣдя“. Что-то онъ тогда заговоритъ?

Между тѣмъ, звуки гармонійки, доносящіеся до моего слуха, не умолкаютъ. Устинову аккомпанируетъ на балалайкѣ Васька Дубленниковъ. Переборы такіе выдѣлываетъ, что отдай все и мало. Мастеръ Васька своего дѣла по части балалайки. Вотъ на счетъ грамотности, „сборки и разборки ружья“ или другаго „артикула“ не взыщите,— три года зубритъ всѣ эти премудрости и ни какъ не можетъ досконально превзойти ихъ: боевую пружину не задумается назвать подкоробочной; а „пунктиковъ“ лучше и не спрашивай, — такую ахинею понесетъ, что хоть святыхъ вонъ выноси. Во время смотровъ, фельдфебель всегда старается или на часы его поставить или конюхомъ показать, потому что, неравенъ часъ, задастъ ему начальникъ какой—нибудь вопросъ, а онъ отвѣтитъ совсѣмъ объ другомъ. Ему-то ничего не будетъ, дуракомъ только выругаютъ или скотиной назовутъ; мнѣ же и фельдфебелю достанется такъ, что долго не забудешь. Во первыхъ „разнесутъ“, потому что начальство никогда не пропуститъ возможности „разнести“, если только къ этому представится благопріят

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

случай; во вторыхъ, въ приказѣ и ордерѣ на всю губернію такъ отщелкаютъ, что каждый, прочитавшій отщелкиваніе, съ ужасомъ разведетъ руками и, выпятивши впередъ губы, спроситъ самъ себя: ,,и какъ это этого ничего недѣлающаго, распустившаго команду, не слѣдящаго за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ людей, пренебрегающаго исполненіемъ обязанностей службы, до сихъ поръ не повѣсили? Странно“! Въ третьихъ, лишатъ пожалуй наградныхъ денегъ, — непріятность весьма ощутительная, и наконецъ, въ четвертыхъ, будешь постоянно на замѣчаніи у начальства и, при первомъ удобномъ случаѣ, попадешь туда, куда и Макаръ телятъ не гоняетъ.

Въ виду всего этого, чтобы не попадать въ просакъ изъ за тупости Васьки, фельдфебель тщательно скрывалъ его во время смотровъ въ такое мѣсто, гдѣ начальство никакъ не могло догадаться, что ,,боевая“ и ,,подкоробочная“ пружины вопросы, чуждые пониманію Васьки. За то, когда нужно было игрою на балалайкѣ заставить ходить чьи—нибудь поджилки, Васька выдвигался на авансцену и не имѣлъ соперника. Вотъ и теперь онъ аккомпанируетъ Устинову и я убѣжденъ, что сейчасъ же кто—нибудь пустится въ плясъ. Ага, да вотъ что-то дѣйствительно зашумѣло! Не выдержалъ кто-то, пустился плясать. Да это ,,ефлеторъ“ Малыхъ, ,,ловкачъ на всякія штуки“. Больше некому быть! Посмотрите, пожалуйста, какъ онъ выдѣлываетъ ногами такую музыку, которую другому и руками на бубнѣ ни за что не выдѣлать. Чудесно!

Ходи хата, ходи печь!

Хозяюшкѣ негдѣ лечь....

Раздается звонко голосъ Малыхъ; а ноги съ тѣмъ вмѣстѣ пошеливаются все сильнѣе и подборы сапогъ выколачиваютъ на глинистомъ грунтѣ казарменнаго двора такую дробь, что просто заслушаешься ее. Кровь молодецкая говоритъ, чарка водки бурлитъ въ головѣ, сказывается широкая, размашистая натура. ,,Шире! ... растопчу!“ захлебывается Малыхъ, доходя въ быстротѣ своей пляски до невозможнаго. Гулъ, стонъ идетъ кругомъ!....

Но вотъ мало по малу затихаетъ дробь, выколачиваемая подборами ,,ефлетора“, вслѣдъ за тѣмъ смолкаетъ балдурка Васьки, прекращаются звуки гармонійки и только одобрительный говоръ, глазѣвшихъ на плясъ, доносится до моего слуха. Пристали, стало быть, молодцы, умаялись! Въ окна комнаты наравнѣ съ волнами жаркаго, іюльскаго солнца, вносятся звуки голосовъ Антоши и Лаврентьича. Послушаемъ.

— Разлюбезное наше дѣло солдатское,—философствуетъ Лаврентьичъ—большой охотникъ философствовать при всякомъ удобномъ случаѣ.— Всѣ праздники христіанскіе у насъ само собой соблюдаются, потомъ табели еще къ нимъ прибавлены. Въ табель мужикъ работаетъ; а нашъ братъ казенную ,,порцію“ пьетъ; потомъ командный праздникъ, начальника именины—опять таки водка. Кабы его благородіе женаты были, такъ и въ барынины бы именины водки—намъ поставили. Кромѣ того благополучно отбудешь смотръ и проводишь начальство, — смотришь, опять водка. Разные случаи попадаются, что безъ водки никакъ нельзя обойтись. Мужику-же гдѣ все это увидѣть? Ни въ жисть“.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Справедливо все это говорите, Павелъ Лаврентьичъ, гдѣ мужику съ солдатомъ равняться? Оно, конечно, служба иной разъ шибко одолѣваетъ, только за то житье противъ мужицкаго не въ примѣръ лучше. Славно бы было, кабы всѣ солдатами сдѣлались. Всѣмъ бы хорошо жилось въ ту пору.

— Развѣ это можно, чтобы всѣхъ солдатами сдѣлать? Кого-бы мы тогда „въ партіи“ водили?

Слѣдуетъ пауза. Антоша, вѣроятно, задумывается объ томъ, кого-бы водили „въ партіи“, если бы всѣ сдѣлались солдатами; Лаврентьичъ, озадачивъ своего собесѣдника, не считаетъ нужнымъ развивать, относительно возбужденнаго вопроса, дальнѣйшій взглядъ. Втеченіи нѣсколькихъ секундъ слышно только шлепанье губъ о края трубочныхъ чубучковъ; по временамъ доносятся въ комнату звуки, происходящіе отъ сплевыванья слюны на затвердѣвшую отъ жары землю.

— И какъ это всѣхъ арестантовъ не могутъ сразу погнать?—задаетъ наконецъ вопросъ,—оправившійся Антоша.—Каждую недѣлю гонятъ.

— Вишь чего захотѣлъ?... Сразу всѣхъ погнать..... Развѣ это можно? Что-жь-бы тогда этапнымъ солдатамъ въ остальное время пришлось дѣлать? На то и этапы поставлены, чтобы „по нимъ“ каждую недѣлю арестанты проходили. Для этого дѣла, братецъ ты мой, „маршутъ“ отъ начальства изъ Петербурга высланъ; стало быть, по этому самому „маршуту“ и должны слѣдовать арестанты. Кабы всѣхъ сразу погнать, такъ тогда и „маршута“ никакого не требовалось-бы....

— И сколько ихъ идетъ, такъ просто страсть! Пятый годъ я ихъ вижу, — столько прошло, что не приведи Господи! Не сосчитать даже, а всетаки идутъ. Кажись всю Рассею скоро въ Сибирь переведутъ.

— Возвращаются многіе назадъ. Его привели на мѣсто, смотришь, онъ опять бродяжить пошелъ. Влопался,—снова по этапу слѣдуетъ. Съ ними сразу трудно справиться,—они, вѣдь, хитрые, ученые, травленые волки. Погуляетъ на свободѣ пока охота гулять; а какъ голодъ да холодъ прижучатъ, бродяжить станетъ не въ моготу, опять и наровитъ на казенныя „кормовыя“—попасть.

— Зачѣмъ это только казна имъ „кормовыя“ выдаетъ? Кабы кормовыхъ не давали, они-бы, пожалуй, всѣ перевелись, не стали-бы больше бродяжить.

Этимъ неожиданнымъ выводомъ Антоши Лаврентьичъ, въ свою очередь, поставленъ въ тупикъ. Опять пауза, опять шлепки губъ и плевки... Немного помолчавъ и не получивъ никакого отвѣта на свое глубокомысленное замѣчаніе, Антоша снова заводитъ рѣчь.

— Не хорошее у насъ мѣсто—Развой. Хотя и привыкъ я къ нему,—а всетаки по временамъ скука одолѣваетъ. Вотъ хотя-бы сегодня,—будь людное мѣсто, сейчасъ-бы отпросился у фельдфебеля куда-нибудь въ гости, потому все-же въ компаніи веселѣй время проведешь. А тутъ куда пойдешь? Тайга одна, больше ничего. Только и люди живутъ, что на „постояломъ“ да на почтовой станціи.

— Видѣли вы, Антоша, на „постояломъ“ у Дорофея новую стрижку изъ Ламаи? вопросомъ отвѣчаетъ Лаврентьичъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Становится очевиднымъ, что разговоръ съ почвы философской и полемической переходитъ на Кувшинниковскую почву, на которую непремѣнно сводится дѣло, разъ только два солдата вступаютъ межъ собой въ интимную бесѣду. Я не вижу разговаривающихъ; но готовъ держать пари, что физіономія Антоши послѣ вопроса Лаврентьича просіяла, какъ гречневый блинъ, который только что облили растопленнымъ масломъ, да и у Лаврентьича глаза, навѣрное, умильно прищурились.

— Видѣлъ, какъ не видать.... здоровенная дѣвка; въ плечахъ ууу!.... какая, а груди что твои мельничные жернова.... Только съ рожи корявая.

— Малыхъ ужъ и тутъ успѣлъ, кажись, пристроиться, — съ какимъ-то грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, замѣчаетъ Лаврентьичъ?—И какъ это онъ только умѣетъ? ко всякой прилаживаться. На удивленіе просто! Вѣдь маленькій такой, невзрачный; одно только и есть, что юрокъ больно, да мастеръ пѣсни пѣть и плясать.

— Онъ ее еще въ Ламаѣ зналъ, утвердительно говоритъ Антоша.

— Да онъ ихъ тамъ, безъ малого, всѣхъ знаетъ.

— Навыкъ къ этому дѣлу имѣетъ. Къ каждому дѣлу нужно имѣть снаровку.

— Это точно вы, Антоша, говорите, что въ каждомъ дѣлѣ снаровка требуется. Вотъ, примѣрно, меня взять — седьмой годъ я на этапѣ писарскимъ дѣломъ занимаюсь; а никакъ снаровиться не могу. Постоянно начальникъ серчаетъ: „ничего, говоритъ, ты не понимаешь; въ семь лѣтъ не научился, какъ бумагу въ исходящій журналъ записать; другой бы въ это время выучился управлять цѣлой канцеляріей“. И точно, доведись на другаго, такъ въ семь лѣтъ успѣлъ-бы снаровиться; а я никакъ не могу, потому что съ измальства этому дѣлу обученъ не былъ. Поступилъ на службу малограмотнымъ, къ строевой службѣ не годился, меня и сунули на этапъ писаремъ. Хорошихъ писарей управленіе всегда про себя побережетъ; а на этапъ посылаетъ такихъ, которые и писать-то чисто не умѣютъ. При прежнихъ начальникахъ я все больше при барыняхъ находился, порученности ихнія справлялъ: курицъ-ли достать, моркови или такъ чего-другаго по хозяйству розыскать, сейчасъ, значитъ, мнѣ барыня это дѣло препоручаетъ. Чему жъ я могъ тутъ выучиться? И выходитъ теперь, что я умѣю только переписывать съ готоваго да и то раза три каждую бумагу начальникъ перемарываетъ, а потомъ плюнетъ, меня прогонитъ и самъ перепишетъ. Такъ вотъ тутъ и вправду выходитъ, что безъ снаровки никакимъ дѣломъ нельзя заняться.... Экъ паритъ сегодня; нужно на другое мѣсто перейти, тутъ ужъ не въ моготу сидѣть, больно жарко....

— Вотъ что я вамъ скажу, Лаврентьичъ; чѣмъ тутъ сидѣть, отпросимся и пойдемъ на станцію къ писарю. Можно будетъ у Дорофея въ счетъ „зарабочихъ“*) бутылку взять, писарь намъ на гитарѣ поиграетъ; а тѣмъ временемъ, если только Кешка — ямщикъ съ почтой уѣхалъ, такъ и дѣло авось какое сладится. У него вѣдь баба „зухъ“, на всѣ руки!

---

†) Такъ называютъ солдаты деньги, заработываемыя ими на вольныхъ работахъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Уѣхалъ. Какого-то проѣзжающаго въ Вольтеровку повезъ. Я ему еще наказывалъ, чтобы онъ захватилъ со станціи пакеты, если пришла почта. Начальникъ, нарочно, меня посылалъ. Раньше вечера не вернется!

— А до вечера мы всякое дѣло успѣемъ обдѣлать. Вы ступайте прямо на станцію; а я къ дѣду Дорофею, тѣмъ временемъ, за „бутылкой“—забѣгу.

Пріятели встаютъ и удаляются добывать бутылку въ счетъ будущихъ благъ, слушать игру писаря и вторгаться въ семейную жизнь Кешки. И я уже вижу, какъ Кешкина жена—„баба зухъ“ жеманно отстраняетъ рукой, подносимую ей, рюмку водки, произнося при этомъ неизмѣнную формулу отказа отъ водки: „Кушайте сами,—я ни сколь не потребляю“. И какой искренностью, какой неподдѣльной правдивостью звучитъ это „нисколь не потребляю!“ Слушая голосъ Кешкиной жены, произносящей „нисколь не потребляю“, глядя, на ея глаза, стыдливо опущенные въ землю, такъ и хочется сказать этапнымъ ловеласамъ: „Отстаньте“! зачѣмъ, по напрасну, пристаете къ женщинѣ; вы ничего отъ нея не добьетесь, она не станетъ пить водки, она ее „нисколь не потребляетъ“. Но я вижу, какъ въ слѣдъ затѣмъ, послѣ настоятельныхъ и убѣдительныхъ просьбъ Антоши, остраняющая рука „бабы зухъ“ начинаетъ, мало по малу, выпрямляться и направляется прямо къ подносимой рюмкѣ. Рюмка наконецъ взята. Сначала „баба-зухъ“ едва прикасается губеми къ ея краямъ, затѣмъ отпиваетъ половину и томно произноситъ: „Болѣ не могу, ей-ей не могу и не просите лучше.... Сколь могла, столько и выпила!“ Но доводы Антоши черезъ чуръ убѣдительны, возражать противъ нихъ, въ особенности представительницѣ нѣжной половины рода человѣческаго черезъ чуръ трудно; а потому и остальная половина содержимаго рюмки попадаетъ по назначенію. Вижу я, какъ уже почти безъ всякихъ отговорокъ, безъ всякихъ попытокъ къ отказу, въ утробу той же „бабы зухъ“, попадаетъ вторая и третья рюмка. Дульцинея раскраснѣлась, лицо ея лоснится отъ поту, который она вытираетъ рукавомъ ситцевой рубахи. Куда дѣвалась робость и стыдливость? гдѣ эти стыдливо потупленные въ землю глаза? Вижу я .... Но лучь солнца, скользнувшій въ это время какъ разъ по рѣсницамъ моихъ глазъ, заставляетъ меня на мгновеніе прищуриться и видѣніе изчезаетъ въ набѣжавшихъ волнахъ свѣта....

— Староста пришелъ, — раздался за мною голосъ моего деньщика Акинфа.

— Что ему нужно?

— Не знаю, васъ хочетъ видѣть.

— Зови.

Я привсталъ съ дивана и пошелъ на встрѣчу старостѣ.

— Что скажешь?

— Съ праздникомъ имѣю честь поздравить, ваше благородіе.

— Спасибо. А дальше что?

— А еще осмѣлюсь попросить васъ объ одномъ дѣлѣ...

— Что такое?

— Позвольте, в. б—діе, дѣтямъ арестантскимъ, которые при партіи слѣдуютъ, выйти побѣгать и поиграть на лужайкѣ передъ этапомъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Тѣсно на арестантскомъ дворѣ и душно, негдѣ и развернуться хорошенько. Ребята-же, сами изволите знать, просторъ любятъ. Они, вѣдь, никуда отъ отцовъ и матерей не убѣгутъ и баловать шибко не станутъ, какъ я имъ прикажу хорошенько.

— А много ихъ всѣхъ?

— Человѣкъ тридцать наберется—безъ грудныхъ.

— Такъ вотъ что, староста,—собери ты ихъ всѣхъ вмѣстѣ и приведи ко мнѣ. Пусть они захватятъ съ собой горшечки, бурачки, туеза, вообще во что можно складывать ягоды. Тутъ у насъ недалеко въ тайгѣ пропасть малины растетъ. Я съ ребятишками туда и отправлюсь. И играть имъ тамъ будетъ привольнѣй, чѣмъ тутъ, на солонопекѣ; да кстати и ягодами полакомятся.

— Покорно благодарю. Сейчасъ-же всю эту команду сюда приведу. А нельзя ли, ваше благородіе, и бабъ съ ними отпустить?

— Ну, нѣтъ, братецъ, этого нельзя,—во первыхъ иная баба не прочь и тягу задать; а, во вторыхъ, въ тайгѣ много медвѣдей, они же охотники бабъ воровать; того и гляди какую—нибудь утащатъ и придется потомъ за пропавшую отвѣчать. Однихъ дѣтей приведи.

— Слушаю.

— Староста вышелъ.

Я давно уже хотѣлъ поближе познакомиться съ этими, ни въ чемъ неповинными, слѣдующими за родителями, ссыльными, терпящими всякія невзгоды и лишенія на протяженіи длиннаго этапнаго пути, принужденными чуть не съ колыбели расти въ тюрьмѣ, отравляться ея ядовитымъ воздухомъ, заражаться нравственно тѣми дурными примѣрами, съ которыми въ арестантской камерѣ приходится сталкиваться на каждомъ шагу и которые необходимо должны производить пагубное вліяніе на впечатлительную дѣтскую натуру.

Я всегда съ величайшимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на этихъ маленькихъ страдальцевъ, которые, взросши при другихъ условіяхъ и при другой обстановкѣ, могли-бы со временемъ стать людьми полезными обществу и которые, между тѣмъ, пройдя вмѣстѣ съ отцами и матерями вдоль „по владиміркѣ“, находясь постоянно въ невыносимыхъ условіяхъ и попадая въ такую обстановку, которая естественно должна, если не въ конецъ убить, то сильно затормозить возможность правильнаго нравственнаго и умственнаго развитія, въ большинствѣ случаевъ обречены заранѣе на весьма непривлекательную участь въ зрѣломъ возрастѣ. Съ раннихъ лѣтъ они воспринимаютъ задатки всевозможныхъ пороковъ и преступленій; дальнѣйшее пребываніе на мѣстѣ ссылки способно только развить эти задатки и придать имъ болѣе опредѣленную и осмысленную форму. Чего хорошаго можно ожидать отъ человѣка, воспитавшагося при такихъ условіяхъ? Очевидно и естественно, что пройдя черезъ всѣ фазисы ссылки, яблоко упадетъ недалеко отъ яблони и несчастный ребенокъ сдѣлается. достояніемъ каторги, потому что другой, болѣе благопріятный исходъ, возможенъ только какъ исключеніе, какъ счастливая случайность...

А между тѣмъ сколько невзгодъ приходится переносить этимъ „безъ вины виноватымъ существамъ“ по пути отъ тюрьмы или

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

острога, въ которомъ были заключены преступные родители, до того вертепа, до той помойной ямы, которая называется каторгой и въ которой, этимъ безвиннымъ страдальцамъ, суждено погрязнуть на вѣкъ, безвозвратно? Чего они только не натерпятся? Самымъ страшнымъ бичемъ являются различныя заразительныя болѣзни, порождаемыя грязью тюремныхъ помѣщеній и ядовитымъ, смраднымъ, насквозь пропитаннымъ міазмами, воздухомъ арестанскихъ камеръ. Эти болѣзни заставляютъ зачастую цѣлое семейство, изъ за одного заболѣвшаго дитяти, помѣщаться или въ острожную больницу или въ этапный лазаретъ, эти, въ большинствѣ случаевъ, хранители и источники новыхъ заболѣваній! Семья, вышедшая съ мѣста, съ 3—4 дѣтьми приводитъ въ ссылку одного, много двухъ ребятишекъ; зачастую до мѣста ссылки добирается одинъ отецъ, оставивъ и дѣтей и жену въ вѣчно промерзломъ грунтѣ сибирскихъ кладбищъ. Бичуютъ ребятишекъ холода, морозы, вьюги и мятели. Шуба, выдаваемая казною, плохо грѣетъ при тридцати градусахъ лютаго мороза, когда станцію верстъ въ 25—30 приходится ѣхать, лежа, скорчившись на дровняхъ, двигающихся позади партіи шагъ за шагомъ. При этомъ на каждомъ ухабѣ, на каждомъ косогорѣ дровни раскатываются и переворачиваются и несчастные, двухъ трехъ лѣтніе арестантики летятъ въ снѣгъ, отмораживаютъ носы, лица и руки, рискуютъ вовсе замерзнуть, рискуютъ быть раздавленными подъ копытами сзади набѣжавшихъ коней. Массу жертвъ изъ среды арестантскихъ дѣтей уносятъ съ собою весеннія и осеннія распутицы, дожди, таежные и болотные туманы, заразительные вѣтры, подъ которыми несчастныя дѣти, еле—еле покрытые маленькими сѣрыми армячишками, подвергаются всѣмъ ужасамъ горячекъ, лихорадокъ, корей, скарлатинъ и другихъ губительныхъ болѣзней. Скверное питаніе, тѣснота этапныхъ и тюремныхъ помѣщеній подкашиваютъ не одну дѣтскую натуру въ самомъ началѣ ея разцвѣтанія.

Да и мало ли какія случайности, какіе бичи не преслѣдуютъ физически арестантскихъ дѣтей въ то время, покуда они слѣдуютъ туда, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, должны погибнуть нравственно. Если среди дѣтей свободнаго состоянія, при гораздо болѣе благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, при лучшемъ уходѣ и лучшемъ досмотрѣ, процентъ смертности всегда чрезвычайно громаденъ, то чего же можно ожидать среди арестантскихъ дѣтей? Кладбища городовъ, селъ и деревень большаго сибирскаго тракта сотнями укрываютъ въ своихъ нѣдрахъ неповинныя жертвы, страдающія за грѣхи отцовъ, погибающихъ изъ за несовершенства системы ссылки. И едва-ли смерть не является лучшимъ исходомъ,—то, что ждетъ дѣтей впереди, хуже смерти. Ихъ ждетъ медленное развращеніе, нравственное паденіе и въ концѣ концовъ гибель.

До сихъ поръ, видя арестантскихъ дѣтей только издали, я могъ дѣлать свои выводы и умозаключенія единственно на основаніи логическаго сцѣпленія тѣхъ данныхъ, которые прямо вытекали изъ обстановки, окружающей ихъ на этапахъ и на пути отъ одного этапа къ другому; прогулка съ ними въ лѣсъ давала возможность покороче познакомиться со средой, именуемой на оффиціальномъ языкѣ „лицами,

Дозволено цензурою 15 января 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й. Редакторъ Н. Тюменцевъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

добровольно слѣдующими за родителями", давала возможность проникнуть во внутренній міръ этой среды и провѣрить ранѣе составленное объ ней мнѣніе. Поэтому то я былъ радъ такой прогулкѣ; не менѣе меня оказался доволенъ Акинфъ.

Услышавъ, что мѣсто для прогулки выбрано въ лѣсу и цѣлью ея является сборъ малины, Акинфъ досталъ два большіе, берестянные туеса съ крышками и приготовился шествовать вмѣстѣ съ нами.

— Ты это куда собрался?

— А я вамъ, в. б—діе, мѣсто покажу, гдѣ много малины, — вы вѣдь здѣсь мѣстовъ совсѣмъ не знаете, только зря по лѣсу путаться будете. Я-же ихъ всѣ хорошо развѣдалъ. Въ прошлое воскресенье, какъ вы за партіей уѣзжали, солдатки наши меня сманили за собой ягоды собирать,—вотъ я мѣста теперь и знаю. Да и намъ самимъ нужно будетъ немного для зимы ягодъ насбирать: на лекарство насушить, варенья сварить можно; фельдфебельша—сваритъ!

— Ну, вали! Только ты, пожалуйста, дѣтямъ не мѣшай собирать.

— Ни какъ нѣтъ; зачѣмъ мнѣ имъ мѣшать?... Тамъ ягодъ много, на всѣхъ хватитъ.

Въ это время въ воротахъ моего двора показался староста въ сопровожденіи гурьбы ребятишекъ, нагруженныхъ всякаго рода вмѣстилищами для ягодъ. Дѣти неистово шумѣли, дергали старосту за халатъ, отпускали другъ другу пинки и тычки, подпрыгивали и кувыркались на ходу, вообще они были видимо довольны, что ихъ выпустили изъ тѣсной и душной клѣтки подышать чистымъ воздухомъ, погулять на свободѣ.

Составъ гурьбы былъ чрезвычайно разнообразенъ. Впереди всѣхъ бойко выступалъ красивый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, про котораго съ перваго-же взгляда можно было сказать, что онъ выросъ гдѣ нибудь въ привольномъ мѣстѣ; два татарченка съ бритыми головами и въ ермолкахъ шли около него, оживленно разговаривая между собой на своемъ природномъ, казанскомъ жаргонѣ; дѣвочка лѣтъ пяти, уцѣпившись ручонками за полу халата старосты быстро семенила ножками и едва поспѣвала за остальными дѣтьми; были тутъ и еще дѣвочки постарше; но особенно бросалась въ глаза группа, состоящая изъ трехъ еврейчиковъ, около которыхъ приплясывалъ какой-то толстунъ, мальчишка лѣтъ десяти, назойливо и крикливавшій въ самыя уши еврейчикамъ пѣсню, заканчивающуюся словами: „жиденята—бѣсенята, жиденята—чертенята!"; десятокъ другихъ дѣтей подхватывали этотъ припѣвъ, заставляя бѣдныхъ еврейчиковъ испуганно коситься во всѣ стороны и ближе прижиматься другъ къ другу.

— Вотъ такъ орава, замѣтилъ, стоявшій возлѣ меня Акинфъ! Со всѣмъ одурить человѣка могутъ.

Дѣйствительно, трудно вообразить тотъ хаосъ, который царилъ въ приближающейся ко мнѣ группѣ дѣтей; цѣлая партія арестантовъ не производитъ на ходу столько шуму и крику, сколько производила эта пестрая команда, въ которой каждый отдѣльный человѣчекъ старался перекричать всѣхъ другихъ и потому оралъ во все горло. Дѣти были облечены въ самые разнородные костюмы: кто въ сѣромъ казенномъ халатѣ, кто въ рубахѣ, кто въ куткѣ, передѣланной изъ ста-

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

рой материнской юбки; на ногахъ у однихъ были надѣты сапожишки, другіе шествовали въ арестантскихъ котахъ, иные-же просто, по старой домашней привычкѣ, маршировали босякомъ. Завидѣвъ меня, ребятишки немного присмирѣли, шумъ на минуту утихъ, раздалось два, три сдержанныхъ порыва хохота; но толступъ, преслѣдовавшій еврейчиковъ, не вытерпѣлъ и отпустилъ въ ухо одного изъ потомковъ Израиля изрядный щелчокъ, заставившій еврейчика пронзительно взвизгнуть.

— Перестаньте, черти! закричалъ староста. Становись въ двѣ, сосчитать васъ нужно!

Привычные къ этой операціи счета „по головамъ", производящейся ежедневно и на каждомъ этапѣ, ребятишки живо выстроились въ „двѣ" шеренги и староста, пересчитавъ ихъ два раза, насчиталъ двадцать восемь „головъ".

— Смотрите-же, дѣтвора, въ лѣсу отъ меня далеко не расходиться, сказалъ я. А то который—нибудь изъ васъ заблудится и какъ разъ волку въ зубы попадетъ. Слышите?

— Слышимъ, слышимъ! раздалось изъ гурьбы и ребятишки, забывъ свою первоначальную робость, окружили меня со всѣхъ сторонъ. Прекратившійся на минуту шумъ, снова начался чуть ли не съ большимъ одушевленіемъ.

— Помните, что я вамъ приказывалъ! пытался наставлять старосто.—Не балуйте и промежъ себя не ссорьтесь! Про кого что—нибудь узнаю,—бѣда тому будетъ, до полныхъ вѣниковъ чесаться станетъ!

Но дѣти уже не слышали поученія старосты; едва успѣли мы выйти за ворота, какъ вся разношерстная толпа мелюзги, подобно стаѣ спугнутыхъ воробьевъ, разбѣжалась во всѣ стороны, направляясь къ опушкѣ лѣса. Проводникомъ служилъ Акинфъ, важно шествовавшій впереди всѣхъ, держа въ каждой рукѣ по тузу. Около меня остался тотъ красивый мальчикъ, котораго я, по первому взгляду, призналъ за уроженца привольныхъ мѣстъ, маленькая дѣвочка, цѣплявшаяся раньше за халатъ старосты, а теперь безцеремонно ухватившаяся за полу моего кителя и въ припрыжку слѣдовавшая за мной, и наконецъ тутъ-же вертѣлся еще мальчикъ лѣтъ десяти, одѣтый въ сѣренькій пиджакъ и оказавшійся сыномъ сосланнаго мѣщанина;—звали его Василій.

— А я, баринъ, изъ лѣсу бродяжить пойду, обратился ко мнѣ старшій мальчикъ.

— Куда же ты отправишься?

— На родину, на Донъ!

— Тебя какъ зовутъ?

— Петромъ. Я такъ и по бродяжеству назовусь—Петръ Непомнящій родства.

— Зачѣмъ-же тебѣ идти бродяжить? Развѣ тебѣ не хорошо живется?

— А что хорошаго въ Сибири: лѣсъ да лѣсъ, больше ничего и не видно. У насъ на станицѣ, по крайности, разгуляться есть гдѣ.

— Ну ступай, ступай....

Петръ опередилъ толпу; ловко перевернулся, ставъ руками на землю и, догнавши Акинфа, началъ съ нимъ разговаривать.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— А тебя, дѣвочка, какъ зовутъ?

— Аксюткой.

— Она сестра этого самого Петра, вмѣшался въ разговоръ Василій.

— Ты отчего не бѣгаешь съ другими дѣтьми? спросилъ я его.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только, какъ-то лукаво, совсѣмъ не по дѣтски, искривилъ ротъ въ форму улыбки.

— Это у васъ, дяденька, на кафтанѣ золотыя пуговицы?.. спросилъ Василій, продолжая, по прежнему, непріятно улыбаться.

— Нѣтъ, не золотыя.

— А какія-же?

— Мѣдныя.

— Отчего же онѣ такъ свѣтятъ?

— Позолочены сверху.

— Вы мнѣ, дяденька, одну пуговку подарите.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Я у торговки на нее калачей куплю. Мнѣ дяденька Григорій— подстароста, станка за два передъ вашимъ этапомъ, хуже пуговицу подарилъ,—совсѣмъ облезшую, и ее только расплющилъ и одной слѣпенькой торговкѣ за копѣйку всучилъ; взяла — ничего, двѣ шанежки отдала. Она потомъ и разобрала, да гдѣ узнать, кто эту штуку подсунулъ. Насъ арестантовъ въ партіи много, всякого не запримѣтишь; а партія смѣется: „молодецъ, говорятъ, Василій“!

— И тебѣ не стыдно было обидѣть старуху?

— Чего стыдно?... Я у нея изъ подъ руки потомъ еще одну шаньгу сбрилъ,—вкусныя онѣ такія. Подарите: въ самомъ дѣлѣ подарите, дяденька, пуговицу!

— Ладно, потомъ; бѣги, догоняй товарищей!

Василій неохотно пустился вслѣдъ за далеко убѣжавшими дѣтьми; онъ на каждыхъ десяти шагахъ оборачивался, какъ-бы ожидая, что я его ворочу и отдамъ пуговицу для пріобрѣтенія на нее мошенническимъ способомъ шаньгъ и калачей. Въ это время ко мнѣ на встрѣчу запыхавшись бѣжалъ тотъ самый толстунъ мальчишка, который преслѣдовалъ еврейчиковъ.

— Баринъ, а баринъ! что я имъ разскажу, такъ просто ужасъ!

— Разсказывай!

— Жиденята-то что, проклятые, выдумали? Давай, говорятъ, Костя, изъ задняго кармана у барина платокъ вытащимъ! Уголъ у платка весь наружу высунулся,—легко вытащить. Я имъ говорю, что за это въ каторгу сошлютъ; а они только смѣются.—Вишь, невидаль какая каторга! бѣжать, говорятъ, оттуда можно.

— И ты не врешь?

— Зачѣмъ мнѣ врать?

— Позови ихъ ко мнѣ.

— Мы сейчасъ же съ Петькой ихъ подъ конвоемъ приведемъ; а то они убѣгутъ, пожалуй.

И толстунъ во всю прыть пустился въ обратный путь. Мы съ Аксиньей входили въ это время въ опушку лѣса

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Побѣгай, Аксинья, погуляй!

— Нельзя бѣгать, пролепетала моя спутница.

— Отчего нельзя?

— Мамка бить станетъ. Она намедни Дашку больно побила за то, что Дашка въ камеру къ арестантамъ убѣжала. Тятькинымъ ремнемъ бьетъ, да и приговариваетъ „не бѣгай, не гуляй“! Крѣпко побила! Дашка послѣ того долго ревѣла. И сегодня, какъ мы сбирались, Дашка хотѣла съ нами вмѣстѣ идти; а мамка не пускаетъ. Знаю я, говоритъ, чего тебѣ нужно,—съ солдатами гулять станешь!

— А кто это Дашка?

— Сестра моя.

— Большая?

— Большущая; такая же, какъ Машка.

Дѣло становилось вполнѣ понятнымъ, — свихнулась, значитъ, дѣвка, загуляла; свихнулась потому, что промозглая атмосфера арестантскихъ камеръ способна свихнуть и даже совершенно сломать какую угодно крѣпкую и могучую натуру; она не щадитъ никого и ничего, въ ней гибнетъ все хорошее, дѣвственное, неиспорченное, потому что этому хорошему трудно бороться съ потокомъ разнузданныхъ страстей. И даже маленькая Аксинья, ничего еще не понимающая, уже не такъ невинна...

А вотъ и еврейчиковъ ведутъ подъ строгимъ карауломъ. Впереди шествуетъ Петръ, положивъ на плечо палку на подобіе ружья, за нимъ слѣдуютъ арестованные; шествіе замыкаетъ толстунъ Костя, тоже вооруженный палкой, которой онъ, отъ времени до времени, подгоняетъ еврейчиковъ.

— Благополучно привели арестантовъ, в. б—діе! рапортуетъ Петръ совершенно такимъ тономъ, какимъ обыкновенно рапортуютъ конвойные унтеръ офицеры.

— Вы зачѣмъ хотѣли вытащить платокъ изъ моего кармана?

— Право зе нѣтъ, васе благородіе! робко возражаетъ одинъ изъ еврейчиковъ; мы только такъ себѣ въ сутку, нароцно говорили.

— Врутъ, ей богу врутъ, баринъ; вы имъ не вѣрьте. У нихъ и отецъ такой-же мошенникъ, замѣчаетъ толстунъ. Онъ у насъ майданщикомъ въ партіи и про него всѣ говорятъ, что онъ мошенникъ. И дѣтей своихъ выучилъ тому-же.

— Ей-зе ей нѣтъ! Это онъ все напрасно, перебиваетъ Костю другой еврейчикъ. А вотъ его батька водку въ пузирѣ приносилъ, какъ мы въ тюрьмѣ сидѣли; а онъ самъ что хотѣлъ сдѣлать, такъ и говоритъ не хорошо....

— Разсказывай больше; я тебѣ задамъ.

— Пошли прочь, перестаньте клеузничать другъ на друга. Играйте, только не шалите и не ссорьтесь.

Обрадованные, такимъ милостивымъ окончаніемъ дѣла, потомки Израиля не заставили просить себя во второй разъ, и мигомъ убѣжали въ глубину лѣса; вслѣдъ за ними умчался и толстунъ, напѣвая свое неизмѣнное. „Жиденята—бѣсенята, жиденята—чертенята“!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Пожалуйте мнѣ, баринъ, папироску за то, что благополучно препроводилъ арестантовъ.

— Ты развѣ куришь? Вѣдь, у тебя еще молоко на губахъ не обсохло.

— Давно, баринъ, курю. Еще какъ въ тюрьмѣ сидѣли, выучился этому дѣлу. Только рѣдко папиросу отыщешь. Купить не на что; а даромъ никто не даетъ, потому „жиганъ“—народъ, каждый про себя бережетъ. Вотъ только въ послѣднее время повольготнѣе стало. Мнѣ нынѣче Иванъ бродяга папиросы даетъ, Дашкинъ полюбовникъ. Вызову я ему Дашку изъ семейной камеры въ холостую, онъ мнѣ за это и дастъ нѣсколько папиросъ.... Ухарь парень, запѣвалой въ партіи, два раза изъ каторги бѣгалъ!

— А я мамкѣ скажу, что ты куришь! пролепетала Аксинья.

— А я тебя поколочу, отвѣчалъ Петръ.

Аксинья заплакала и побѣжала впередъ. Я далъ Петру папиросу, онъ закурилъ ее и сталъ еще разговорчивѣе.

— Славный парень этотъ Иванъ, большой мой пріятель. Разсказывать всякія арестантскія исторіи куда какой мастеръ. Когда прійдемъ на мѣсто, онъ хочетъ опять идти бродяжить—со мной и съ Дашкой. Крѣпко онъ любитъ Дашку. Вотъ Прокопьевъ Степанъ такъ тотъ все свою полюбовницу колотитъ, потому что она со всѣми путается. Видали—вы ее тутъ, чернявая такая дѣвчонка — годовъ пятнадцати, Марьей—хохлушей звать? Въ цѣлой партіи такой другой непутной нѣтъ; а Дашка ни ни, ни боже мой, только своего Ваньку и знаетъ. Ванька, какъ обыграетъ кого—нибудь въ карты, сейчасъ же ей деньги дастъ. Ловко онъ въ карты играетъ, противъ него никто не сможетъ. Вся партія галдитъ, будто бы онъ не на чистоту играетъ; а доказать никто не можетъ, стало-быть, денежки пожалуйте. Вотъ кабы мнѣ такъ научиться. Да и выучусь, непремѣнно выучусь; Ванька обѣщалъ, что когда пойдемъ вмѣстѣ бродяжить, такъ онъ меня всѣмъ штукамъ научитъ....

— Да зачѣмъ тебѣ идти бродяжить, развѣ при отцѣ и матери худо жить?

— А чего хорошаго? Колотушки одни только и знаешь. Тамъ свободно. Послушали бы вы, баринъ, какъ про это Иванъ разсказываетъ, такъ заслушались бы!... А посмотрите, баринъ, татарченки — князья опять дерутся. Это у нихъ постоянно такъ. У насъ тутъ въ партіи дворянинъ идетъ съ Кавказа, такъ онъ то одному, то другому татарченку деньги даетъ. Вотъ какъ одному дастъ, а другому нѣтъ, такъ и пошла у нихъ между собой ссора да ругань; до кулаковъ зачастую доходитъ, вонъ и теперь видно, никакъ подѣлиться не могутъ. А за что онъ изъ эти деньги дастъ, такъ и не выговоритъ!.... Партія постоянно смѣется: —Ты, пяти алтынный,*) съ какимъ нынѣче княземъ повѣнчался?—„А еще дворяниномъ считается!.... Тьфу“!

Петька презрительно сплюнулъ въ сторону и готовъ былъ пуститься въ объясненіе дальнѣйшихъ подробностей, какъ этого некрасиваго

†) Арестанты изъ привилигированнаго званія получаютъ въ сутки не 1½, а 15 к. кормовыхъ. Отсюда и происходитъ эпитетъ „пяти-алтынный“.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

дѣла, такъ и десятка другихъ грязныхъ дѣлъ, открыто совершающихся подъ закоптѣлыми сводами арестантскихъ камеръ; но мы дошли въ это время до лужайки, гдѣ Акинфъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ребятишками, усердно собиралъ малину, которой дѣйствительно оказалось многое—множество. На лужайкѣ царствовала совершенная тишина,— все вниманіе моей юной команды было исключительно сосредоточено на собираніи ягодъ; немного однако попадало въ туеза и горшечки, такъ какъ дѣти прежде всего заботились объ удовлетвореніи аппетита. ,,Съ горшками и туезами и потомъ, молъ, успѣемъ справиться".

Тутъ было не до шуму; всякій былъ прилежно занятъ своимъ дѣломъ; развѣ только изрѣдка раздавался пискливый голосъ какой—нибудь дѣвчонки, отгонявшей непрошеннаго Костю или Ваську, которые, пользуясь правомъ сильнаго, стремились завладѣть мѣстомъ изобилующимъ ягодами, несмотря на то, что такое мѣсто было уже предварительно занято одной изъ дѣвочекъ.

— Отстань, варначище! пищала дѣвочка; это мое мѣсто. Зачѣмъ ты сюда непрошеннымъ лезешь? Вотъ я пойду барину пожалуюсь, онъ тебя выпоретъ. Не то тятькѣ скажу, какъ на этанъ вернемся. . . . Прямой варнакъ!.... каторжный!

— А сама-то великая птица? огрызался аршинный варнакъ. Шлюха, такъ шлюха и есть. Тутъ мѣста не купленныя!.. Пошла вонъ!

— Отстань, говорю тебѣ. Полюбовникъ ты мнѣ что ли, что смѣешь надо мной куражиться?

— Да я на такую падаль какъ ты и глядѣть-то не хочу, не только чтобы тебя въ полюбовницы взять!

Такіе и подобные разговоры слышались каждый разъ, когда между дѣтьми завязывался споръ или разгоралась ссора. Въ этихъ разговорахъ, какъ въ зеркалѣ, отражался характеръ того воспитанія, которое получали дѣти, слѣдуя въ ссылку за родителями. Конечно среди аршинныхъ варнаковъ и десятилѣтнихъ шлюхъ такіе разговоры были только безсознательно воспринятыми рефлексами того, что приходилось имъ видѣть и слышать на каждомъ шагу, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ слова ,,полюбовница", ,,варнакъ", ,,шельма" и т. д. повторяются едва ли не чаще другихъ словъ русскаго языка. Но не трудно понять, что не вѣкъ-же дѣти станутъ повторять эти звучные эпитеты безсознательно; своевременно и даже раньше времени явится и сознаніе и пониманіе, за которымъ не замедлитъ послѣдовать окончательное паденіе.

Ссоры между ребятишками старался умиротворить Акинфъ, тщательно собиравшій въ туезъ одну ягодку за другой. Способъ умиротворенія, по своему характеру, вполнѣ подходилъ къ тону разговора ссорящихся.

— Чего лаетесь, черти? не можете, что ли, мирно промежъ себя подѣлиться? Прорвы проклятыя! Сейчасъ видно варначье сѣмя, — безъ ругани никакъ не могутъ поладить. Дуть васъ нужно! напрасно только баринъ васъ съ собою въ лѣсъ взялъ, гнили-бы себѣ въ своей камерѣ.... Бродяги!

Менторскій тонъ Акинфа, приправленный десяткомъ ругательствъ не пропадалъ безслѣдно и на время прекращалъ препирательства между

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

ссорящимися.... Наступила тишина. Петька, отдѣлившійся отъ меня по приходѣ на мѣсто, занялся исключительно хищническими набѣгами на Дунекъ, Машекъ и Аксютокъ, въ горшечкахъ которыхъ оказывалось нѣсколько собранныхъ ягодъ. Будучи старше другихъ дѣтей, Петръ, безъ всякихъ предисловій, храбро, какъ будто-бы по праву, опорожнялъ содержимое горшечка зазѣвавшейся Дуньки или Машки въ свой ротъ, и если жертва насилія осмѣливалась протестовать противъ такого произвольнаго захвата, то не обходилось безъ щипка или щелчка, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ ревъ.

— Перестань, Петръ! Собирай самъ. Зачѣмъ ты обижаешь маленькихъ?

— А гдѣ нашему брату—арестанту и попользоваться чѣмъ нибудь, если не обтяпаешь кого? съ какимъ-то ухарствомъ отвѣчалъ Петръ. На то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!

— Вотъ какъ возьму я прутъ, да начну эту щуку лупить, такъ смирнѣе смирнаго она у меня сдѣлается! вмѣшался Акинфъ.

— Не привыкать, огрызнулся Петръ. Извѣстно, мы люди подневольные, надъ нами каждый куражиться можетъ. Жаловаться некому, да и проку изъ жалобы никакого не будетъ!

— Ахъ ты, болванъ, болванъ! Да еще большой болванъ!

— Ну ты пожалуй, служивый, будешь побольше меня.

— Поговори ты у меня еще, я тебѣ задамъ!...

— И то правда—разговоровъ не стоитъ!

— Экій аспидъ! Попомни мое слово, если ты только въ каторгу не попадешь.

— Безъ тебя давно извѣстно! Новенькое что—нибудь, служба, разскажи; а эту пѣсню мы знаемъ.

— Перестань пожалуйста, Акинфъ! Охота тебѣ дразнить парня!

— Хорошъ парень! нечего сказать, в. б—діе, кабы всѣ этакія ребята были, такъ житья-бы на свѣтѣ не было. Вѣдь онъ такъ волкомъ и смотритъ.

— Стало быть не отъ одной матери съ тобой, потому что ты больше на медвѣдя смахиваешь!

— Ахъ! ты, щенокъ; погоди ужо, я тебѣ. . . .

Безъ моего вмѣшательства Акинфъ пожалуй и дѣйствительно вступилъ-бы въ единоборство съ Петромъ, который отвѣчалъ на всѣ слова Акинфа съ особеннымъ оттѣнкомъ хладнокровія и нахальства, оттѣнкомъ, очевидно позаимствованнымъ у Ивана—бродяги и другихъ благопріятелей той же категоріи.

— Довольно. Ты, Петръ, не изволь мѣшать и обижать; а ты, Акинфъ, тоже не трогай дѣтей и не вмѣшивайся въ ихъ разговоры; они и безъ твоей помощи съумѣютъ поладить между собой.

Петръ отошелъ въ сторону, присѣлъ на корточки и началъ собирать ягоды; Акинфъ, проворчавъ себѣ подъ носъ, что-то въ родѣ:— „погоди, ужъ я-жь тебя доѣду!“ тоже продолжалъ наполнять туесъ.

Выбравъ ровненькое, чистое мѣсто подъ тѣнью громадной лиственницы, я улегся на спину, подложивъ руки подъ голову, и занялся созерцаніемъ голубого неба, клочками проглядывавшаго сквозь густую

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сѣтку нависшихъ надо мной темно-зеленыхъ вѣтвей. Я предался теченію мыслей и залетѣлъ богъ—знаетъ куда. . . . . .

— Малины не угодно ли покушать, в. б—діе? Безъ малаго полный туезъ насобиралъ!

— А? Что?... Малины?.... какой малины?

— Малины отвѣдайте... Спѣлая, сладкая! громогласно выговорилъ Акинфъ, наклонившись надо мной.

— Чортъ-бы тебя побралъ вмѣстѣ съ твоей малиной!

— Побезпокоилъ, разбудилъ васъ, в. б—діе? Только это вы совсѣмъ напрасно заснули въ лѣсу, — въ лѣсу спать не приводится, земля сырая; мы же и коврикъ съ собой не захватили. Вы ничего на счетъ этого не приказывали, а мнѣ не въ домекъ. Безъ коврика-же того и гляди лихорадку или какую другую болѣзнь наживете. Негодится спать; вотъ лучше малины покушайте. Урожай въ этомъ году на нее. Должно быть и на грибы урожай будетъ!

— Скоро ты отъ меня отстанешь?

— Извольте кушать; а я пойду другой туезъ набирать.

Поставивъ туезъ на землю около меня, Акинфъ снова отретировался къ дѣтямъ, которыя, насытившись ягодами вѣроятно вволю, принялись теперь за наполненіе своихъ туезовъ и горшечковъ.

Съ лужайки, гдѣ копошились дѣти, доносились, рѣжущіе ухо взвизгиванья и крики, по временамъ оттуда же слышались слова: „шельма“! „варнакъ“! и „каторжный“!

Я закурилъ папиросу и, опершись головою на локоть, началъ вглядываться въ группы, копошившихся неподалеку ребятишекъ. Въ сторонѣ нѣсколько мальчиковъ затѣяли какую-то игру. Во что это они играютъ? Присматриваюсь, прислушиваюсь и не вижу, не слышу ничего знакомаго. Всѣ мы были въ свое время дѣтьми, всѣ мы играли въ различныя игры и игры у насъ у всѣхъ были чрезвычайно схожи. Маршировали мы, играя „въ солдатики“ бѣгали и прыгали, играя, „въ лошадки“, „въ горѣлки“... да мало ли можно насчитать всевозможныхъ игръ, которыя забавляли насъ въ дни дѣтства. Но той игры, въ которую играли арестантскіе мальчики, мнѣ никогда не приходилось видѣть не только среди дѣтей достаточнаго класса и въ школахъ и училищахъ, даже среди крестьянскихъ дѣтей. Странная какая-то игра! Совершенное Мамаево побоище!

Повидимому, дѣти хотятъ воспроизвести въ этой игрѣ: слѣдованіе арестантовъ отъ одного этапа до другого, бѣгство съ пути слѣдованія, поимку бѣглеца, наказаніе его послѣ поимки, заковываніе въ кандалы и т. д. Нѣсколько мальчиковъ изображаютъ изъ себя конвойныхъ, другіе представляютъ арестантовъ. Медленнымъ шагомъ движется эта группа, конвойные покрикиваютъ и подгоняютъ палками конвоируемыхъ, которые жалобно поютъ „милосердную“; но вотъ прекратилось пѣніе и тѣ, которые изображаютъ арестантовъ, бросаются въ разныя стороны и вступаютъ въ единоборство съ конвойными,

Дозволено цензурою января 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й. Редакторъ Н. Тюменцевъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

происходитъ всеобщая свалка и суматоха, во время которой одному изъ мальчиковъ удается бѣжать въ лѣсную чащу.... Свалка прекращается; арестантовъ устанавливаютъ въ двѣ шеренги и повѣряютъ; Петръ, фигурирующій въ роли начальника конвоя, недосчитавшись одного человѣка, отдаетъ приказаніе всѣхъ бунтовщиковъ заковать въ кандалы, роль которыхъ играютъ ремешки отъ панталонъ, веревочки и т. п. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ конвойныхъ отправляются для поимки бѣглеца—„бродяги“, который въ скоромъ времени доставляется связаннымъ по рукамъ и ногамъ на мѣсто игры. Пойманный отбивается отъ конвойныхъ, другіе мальчики, изображающіе арестантовъ вступаются за своего собрата, происходитъ новая свалка, новое Мамаево побоище. Наконецъ конвойнымъ удалось усмирить бунтующихся арестантовъ и по приговору Петра начинается совершеніе экзекуціи надъ бѣглецомъ и главнѣйшими бунтовщиками. Одинъ изъ конвойныхъ переименовывается въ палача, появляются розги, подъ которыми слѣдуетъ подразумѣвать плети, палачъ принимается за свое ремесло.

— Ты-же, смотри, Мишка! говоритъ пойманный бродяга, обращаясь къ палачу. Не больно бей, потому что это въ шутку, для игры только.

— Ладно, поговори у меня больше. Вали его, ребята!

Бродяга отбивается; но четыре мальчика схватываютъ его и растягиваютъ на землѣ; Мишка, помахавъ въ воздухѣ розгами произноситъ съ необыкновеннымъ ухарствомъ: „берегись, ожгу“! и затѣмъ начинаетъ бить несчастнаго „бродягу“ какъ надо полагать вовсе не шутя, потому что раздается крикъ, ревъ и ругательства. Петръ важно считаетъ удары; остальные мальчики, собравшись въ кружокъ слѣдятъ за ходомъ экзекуціи.

— Ишь ты дрянь какая! слышатся голоса. Его только въ шутку, въ игрѣ наказываютъ—онъ и то реветъ, какъ баба. Дрянь! одно слово мозглякъ.

— Да, въ шутку..... лупилъ что было мочи, сквозь слезы замѣчаетъ побитый.

— Ничего, за то теперь бродяжить не пойдешь, наставительно говоритъ Петръ.

Игра начинается снова. Конвойные превращаются въ арестантовъ и бродягъ; бывшіе бродяги вступаютъ въ должность конвойныхъ, наказанный изображаетъ начальника конвоя. Рядъ свалокъ повторяется въ прежнемъ, неизмѣнномъ порядкѣ, повторяется и экзекуція; только на этотъ разъ „бродяга“ безропотно выноситъ наказаніе, чѣмъ вызываетъ одобрительные отзывы со стороны своихъ товарищей.

— Молодецъ, Николашка! Настоящій арестантъ будешь! Точно Семенъ Страшниковъ. Того смотритель въ тюрьмѣ три раза принимался пороть, всѣ надзиратели пристали; а Сенька хоть бы слово выговорилъ.... никакихъ! Всталъ, отряхнулся да еще поблагодарилъ смотрителя.

Николашка въ восторгѣ отъ такого поощренія со стороны товарищей; онъ польщенъ сравненіемъ съ Семеномъ Страшниковымъ, безропотно вынесшимъ порку „въ три пріема“; онъ важно вступаетъ въ обязанности начальника конвоя; игра продолжается. Противно смотрѣть

Digital Library (repository of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

на эту игру; не вѣрится, что видишь передъ собою дѣтей. Впрочемъ какую же другую игру можетъ породить арестантская камера и душный острожный дворъ? Здѣсь немыслимы тѣ игры, которыя забавляютъ дѣтей, дышущихъ свѣжимъ воздухомъ свободы; арестантскія дѣти играютъ „въ бродягу“, потому что они всю жизнь свою проводятъ въ средѣ бродягъ; явленіе это естественно — удивляться ему не приходится!

— Знаешь ли что, Фимка? раздается за мною шопотъ; ты положи внизъ горшечка побольше листьевъ березовыхъ или травы, а сверху насыпь ягодъ. У тебя будто полный горшечекъ и выйдетъ. Можетъ кто захочетъ купить, такъ все-же ты въ барышѣ будешь. Я знаю какъ это сдѣлать!

— А какъ узнаютъ?

— Дура ты, больше ничего! Кто узнаетъ? продала, сейчасъ-же и пересыпай.... Не то давай мнѣ, я это сдѣлаю. Я ловкачъ на это.

— А кому продать?

— Наши же арестанты наказывали, чтобы мы больше ягодъ сбирали. Покупать, говорятъ, будемъ.

— Да они сейчасъ узнаютъ, — они похитрѣй тебя.

— Узнаютъ!... Какъ бы не такъ! Я въ камерѣ либо въ корридорѣ стану продавать; тамъ темно—ничего не узнаютъ.

— Ну дѣлай! Влопаешься—бить станутъ . . . . .

— Сейчасъ видно что дѣвка,—всего боишься. Ты только молчи,—все сдѣлаю.

— Да ты меня пожалуй потомъ надуешь, денегъ не отдашь?

— Вотъ те Христосъ! Честное мое арестантское слово—отдамъ всѣ, какъ есть всѣ. Противъ честнаго арестантскаго слова врать не полагается.

— Ну, ладно! давай травы, не то листьевъ съ березки добудь.

Я повернулся и искоса въ полъ оборота началъ наблюдать за подвигами сговаривавшихся ребятишекъ. Васька—тотъ самый мальчишка, который выпрашивалъ у меня пуговицу, обрывалъ листья съ молоденькихъ березъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ между вѣковыми елями и соснами, дѣвочка лѣтъ десяти, собесѣдница и соучастница Василія, усердно набивала этими листьями горшокъ.

— Ну, теперь довольно будетъ! рѣшительнымъ тономъ сказалъ Василій; теперь ягодами досыпай. Вишь, ты дурища, еще и на другой горшокъ хватитъ, замѣсто одного горшка—два будетъ. По три копѣйки за каждый дадутъ. Ты только молчи и меня во всемъ слушай. Я тебя худому не выучу!

— Да ты то извѣстный мастеръ на эти штуки! одобрительно замѣтила дѣвочка.

И ты будешь еще лучшимъ мастеромъ на всѣ эти штуки не въ далекомъ будущемъ, хотѣлось мнѣ сказать этому маленькому мошеннику: ты станешь совершенствоваться съ каждымъ днемъ, твои успѣхи въ этомъ дѣлѣ будутъ поразительны. Привыкнувъ плутовать теперь, ты останешься плутомъ на всегда и дождешься въ свое время

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

и бубноваго туза на спину и желѣзныхъ оковъ на ноги. Я всталъ и удалился отъ этой пары молодыхъ жуликовъ, мнѣ хотѣлось въ толпѣ дѣтей отыскать хоть какое нибудь отрадное явленіе, мнѣ хотѣлось увидѣть ребенка и только ребенка, безъ примѣси арестанта. Прежде всего попалась на глаза пятнадцати лѣтняя Марья—хохлуша, которую любовникъ колотитъ за то, что она со всѣми „путается". Малороссійскій типъ ясно сказывался въ этой дѣвочкѣ, развившейся не по лѣтамъ и не по лѣтамъ же начавшей вянуть и отцвѣтать. Черные волосы выбивались большими прядями изъ подъ бѣлаго казеннаго платка, покрывавшаго голову и повязаннаго подъ бодбородкомъ; черные красивые глаза глядѣли изъ подъ рѣзко и правильно очерченныхъ бровей; черты лица были правильны. „Какая хорошенькая дѣвочка"! можно было бы сказать, если-бы ограничиться только поверхностнымъ взглядомъ и не вглядываться пристальнѣе. Но болѣе пристальное наблюденіе производило совершенно другое впечатлѣніе. На смугломъ лицѣ Марьи не было ни румянца, изъ подъ котораго такъ и кажется вотъ—вотъ только не брызнетъ кровь, ни выраженія беззаботности, безпечности, свойственнаго дѣтямъ ея возраста. На этомъ лицѣ уже довольно ясно отражалась больная натура. Темныя впадины подъ глазами, выдавшійся впередъ носъ, очерченный по обѣимъ сторонамъ такими же темными чертами и маленькія, ярко красныя пятнышки, отчетливо обрисовавшіеся на щекахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно у здоровыхъ дѣтей красуются заманчивыя, соблазнительныя ямочки,—все это показывало, что жизнь Марьи подкошена въ самомъ началѣ, что врядъ-ли эта жизнь будетъ долговѣчна. Въ глазахъ, которыми Марья взглядывала на меня нѣсколько разъ, замѣтивъ, что я ее разсматриваю, виднѣлось какое то хищническое плутовство и заигрываніе, вовсе не похожее на то невинное лукавство, съ которымъ дѣвочка подросточекъ, взрослая въ другой сферѣ и при другой обстановкѣ, смотритъ на васъ, желая пококетничать въ отвѣтъ на устремленный вами на нее взглядъ. Потребуйте сказать такому подросточку: „Э! Лида! да вы уже совсѣмъ большая, вамъ скоро замужъ пора". Въ отвѣтномъ взглядѣ Лиды, въ улыбкѣ, которая скользнетъ на ея сжатыхъ губкахъ, вы ясно прочтете: „Большая? Замужъ?... Съ чего это вы взяли?.. А впрочемъ, конечно, это должно быть лучше, чѣмъ зубрить грамматику"! Но въ этомъ взглядѣ Лиды, въ ея улыбкѣ, вы также прочтете, что дѣвочка рѣшительно не отдаетъ себѣ отчета почему замужество лучше грамматики.

Если взять дѣвочку изъ крестьянской среды и попробовать продѣлать съ ней тоже самое, то отвѣтъ будетъ очень сходенъ съ отвѣтомъ Лиды и форма этихъ двухъ отвѣтовъ не будетъ тождественна единственно потому, что не тождественны обстановки, въ которыхъ росли Лида и крестьянская дѣвочка. Такая дѣвочка съ улыбкой же искоса посмотритъ на васъ, фыркнетъ, выскочитъ на улицу, гдѣ заливаясь звонкимъ смѣхомъ, обратится къ своимъ сверстницамъ съ такою рѣчью: „Вишь, что баринъ то, просмѣшникъ, выдумалъ. Большая!... замужъ!.... право просмѣшникъ!... Давайте, дѣвки, горѣть. „Тѣмъ дѣло и кончится.

Но въ тѣхъ взглядахъ, которые бросаетъ на меня Марья въ ея неестественно возникающемъ и неестественно сдерживаемомъ смѣхѣ,

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

которымъ сопровождается каждый взглядъ, видится совершенно другое. Она какъ-бы говоритъ: „ты думаешь, баринъ, Петька разсказывалъ тебѣ про меня неправду? Сущую правду!. Вишь какая я красивая, не даромъ и льнутъ ко мнѣ всѣ. Я большая уже.—съ другими арестантками на ряду. Вотъ и ты самъ засмотрѣлся на меня"!

Засмотрѣлся и вижу, что хочешь ты сказать и крѣпко щемитъ мое сердце и тяжелый вздохъ вырывается изъ груди.

— Ты, Марья, откуда родомъ?

— Я?.... черныговская!

— Стало быть мы съ тобой земляки!—я тоже черниговскій.

— А, вжежь, ма буть, земляки? Насъ у партіи Черныговскихъ богацько: наша семья та ще Проскуренко изъ Конотопа.

— За что судился твой отецъ?

— За убивьство! Жида—корчмаря зарізавъ. Тілько ему треба було нічого — никому не казать; а винъ, старый та дурный, усе розсказавъ, якъ его судыли. Теперь мы изъ за того и на каторгу идемъ.

— Какъ тебѣ не стыдно бранить отца?

— А то якъ же? Изъ за его дурости мы уси несчастными стали,— не хотивъ слушать арестантовъ, разсказавъ усе, якъ було. Якъ-же не дурный?

— Какой-бы онъ ни былъ, тебѣ все-таки слѣдуетъ его уважать.

— Ще чого? За що его шановать? Вінъ тілько и знае, що насъ лаять.

— И кто тебя научилъ всему этому?

— Добры люды!

Въ словахъ Марьи, въ тѣхъ движеніяхъ и взглядахъ, которыми сопровождались эти слова, было столько нахальнаго и циничнаго, что даже не обладая особой способностью прозрѣвать въ будущее человѣка, можно было опредѣленно предсказать дальнѣйшую участь Марьи. Ей предстоитъ впереди или сдѣлаться постоянной проституткой каторги, или бродячей проституткой большой дороги и грязныхъ постоялыхъ дворовъ; а послѣ поимки за безписменность, играть туже роль въ пересыльныхъ тюрьмахъ и на этапахъ. Контингентъ бродягъ женскаго пола и пополняется такими именно личностями, какъ Марья. „Добровольно прослѣдовавъ" по этапу за родителями, десятки такихъ личностей добровольно-же уходятъ ежегодно съ мѣста ссылки за разными Иванами Непомнящими и другими бродягами, потому что другая жизнь, честная, труженическая, семейная немыслима для этихъ личностей. Чтобы явилась такая жизнь, необходима полнѣйшая перемѣна декораціи; но такъ какъ декорація ссылки десятками лѣтъ остается одна и таже, нравственнаго-же вліянія ждать не откуда, то ни для Марьи, ни для легіона ей подобныхъ не мыслимъ выходъ изъ той тины, въ которую онѣ погрязли, немыслима честная жизнь.

Я не успѣлъ продолжить разговора съ Марьей, потому что увидѣлъ Акинфа, направлявшагося ко мнѣ скорыми шагами и, видимо, чѣмъ-то сильно встревоженнаго. Онъ размахивалъ на ходу руками, ругалъ попадавшихся ему на встрѣчу ребятишекъ, и когда подошелъ ко мнѣ, то долго не могъ выговорить отъ волненія ни одного слова.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Что съ тобой случилось!

— Всѣ наши ягоды украли, в. б—діе! Какъ есть всѣ чистехонько утащили, ни одной не оставили.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю!

— Набралъ я второй туезъ, принесъ его на то самое мѣсто, гдѣ вы лежали. Гляжу, — васъ нѣтъ; а туезъ стоитъ себѣ, прикрытый крышкой. Открылъ я его,—смотрю: на донышкѣ нѣсколько черныхъ жуковъ ползаютъ, а ягодъ—и въ поминѣ нѣтъ.

— Вѣроятно жуки и съѣли всѣ ягоды?

— Какіе жуки? Развѣ жуки могутъ этакое дѣло сдѣлать? Вотъ эти бродяги украли. Да еще на смѣхъ и жуковъ въ туезъ набросали...

— Ну, а какъ ты думаешь, кто именно это сдѣлалъ?

— Кто ихъ знаетъ? Всѣ они подлецы!.. Только этого дѣла никакъ нельзя простить; сейчасъ же нужно отыскать виноватаго.

Я улыбался; ребятишки, окружившіе меня со всѣхъ сторонъ, тоже хихикали втихомолку, только одинъ Акинфъ остался совершенно серьезнымъ. Онъ поставилъ туезъ, наполненный ягодами, на землю рядомъ съ собой и, окинувъ грознымъ взглядомъ толпившихся кругомъ дѣтей, приступилъ къ допросу.

— Сознавайтесь добромъ, мошенники, кто этакую пакость устроилъ? Лучше будетъ. Если не повинитесь; такъ я васъ всѣхъ перещупаю. Видишь-ли что выдумали? Добро барское воровать! Мало вамъ тутъ ягодъ, что-ли? Хоть совсѣмъ облопайтесь ими, такъ и то еще останется. Ну, говорите же, кто воровалъ?

Акинфъ остановился, ожидая дѣйствія отъ своего воззванія, но дѣйствіе это обнаружилось единственно въ томъ, что смѣхъ среди дѣтей началъ слышаться явственнѣе.

— Признавайтесь, лѣшіе!... Ты, что ли, взялъ? набросился Акинфъ на перваго, подвернувшагося ему подъ руку ребенка.

— Не я, дяденька, право не я!

— Такъ кто же? Васъ, вѣдь, одна шайка.

— Не знаю, дяденька!

— Какой онъ дяденька? Пугало онъ воронье, раздался голосъ сзади меня.

— Да это онъ самъ ребята и сожралъ все; а на насъ барину жаловаться пришелъ.

— И впрямъ самъ! Смотри, какъ его расперло.

— У! ууу! какой толстый! ату его! Давай изъ него ягоды вытряхивать!... Воронье пугало! визжали со всѣхъ сторонъ дѣтскіе голоса,

Акинфъ метнулся въ толпу съ очевиднымъ намѣреніемъ изслѣдовать степень густоты чьихъ нибудь волосъ; но въ это время одинъ изъ татарскихъ князей бросился подъ ноги разсвирѣпѣвшаго хранителя барскаго добра и Акинфъ, споткнувшись, пластомъ растянулся на землѣ. Смѣхъ между дѣтьми достигъ гомерическихъ размѣровъ.

— Важно! Вишь, какъ нажрался,—ходить не можетъ! Вытряхивай ребята, изъ него малину! Чучело!... Уродъ!.. Кикимора заморская!... визжали дѣти.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Въ это время маленькая Аксинья, пользуясь всеобщей суматохой, подобралась къ туезу съ ягодами, оставленному Акинфомъ безъ надзора и, открывъ его, насыпала себѣ въ подолъ платья столько малины, сколько могла захватить. Многаго ей захватить не пришлось, потому что толстунъ Костя, замѣтивъ, что Акинфъ продолжаетъ барахтаться на землѣ и не обращаетъ вниманія на совершающееся кругомъ, подскочилъ къ Аксиньѣ, выхватилъ у нея изъ рукъ туезъ и мигомъ скрылся за деревьями. Я искоса наблюдалъ за этой продѣлкой и отъ всей души хохоталъ надъ несчастнымъ Акинфомъ, который желая спасти часть своего сбора, потерялъ все и въ добавокъ явился посмѣшищемъ для цѣлой ватаги маленькихъ Картушей . . . . . .

Но не даромъ французы говорятъ „rira bien, qui rira le dernier“! Акинфъ былъ бы вправѣ примѣнить ко мнѣ эту пословицу, если-бы зналъ, что когда я сталъ отыскивать въ заднемъ карманѣ кителя платокъ, чтобы вытереть слезы, набѣжавшія на глаза во время хохота, —платка въ карманѣ не оказалось. Точно также не нашелъ я тамъ и портъ-сигара, который оказался валяющимся тутъ же на травѣ, около меня. Хватился я за него—пустъ, всѣ папиросы изчезли!

Все это произошло несравненно скорѣе, чѣмъ возможно разсказать. Главныя дѣйствующія лица, разыгравшейся траги-комедіи, разбѣжались во всѣ стороны раньше, чѣмъ Акинфъ успѣлъ подняться съ земли. Около мѣста свалки остался только бѣлобрысый чухонскій мальчишка, апатично и почти безсмысленно глядѣвшій на меня и Акинфа да маленькая Аксинья, не успѣвшая убѣжать съ остальными дѣтьми.

Наконецъ Акинфъ всталъ на ноги. Уморительно ворочая глазами во всѣ стороны, онъ началъ отыскивать жертву, на которой можно было бы вымѣстить понесенное посрамленіе; но чухонецъ глядѣлъ такъ глупо, Аксинью-же такъ мало можно было заподозрить въ чемъ—нибудь худомъ, что даже Акинфъ не счелъ возможнымъ напуститься на нихъ. Онъ ограничился тѣмъ, что погрозилъ кулакомъ по тому направленію, откуда слышался говоръ многихъ дѣтскихъ голосовъ.

— Ужъ задамъ же я вамъ! Будете помнить.

— Говорилъ я тебѣ, чтобы ты ихъ не трогалъ. Съ этой ордой плохо воевать.

— Ничего, я свое ворочу! увѣренно проговорилъ Акинфъ, размазывая рукавомъ рубахи капли грязнаго пота, въ изобиліи покрывшаго все лицо. Мое не пропадетъ!

— Пропало, братецъ; ничего не вернешь. Ты постарайся хоть туеза въ цѣлости домой принести. И то ладно будетъ....

Акинфъ, какъ будто ужаленный пчелой, повернулся по тому направленію, гдѣ имъ былъ оставленъ второй туезъ и измѣненіе, поразившее его, когда онъ не нашелъ этого туеза, было такъ велико, что онъ даже припрыгнулъ на мѣстѣ, затѣмъ какой-то неопредѣленный звукъ вылетѣлъ изъ его широко раскрытой гортани; за этимъ звукомъ послѣдовалъ безнадежный взмахъ руки.

— Пропащіе! совсѣмъ пропащіе! Каторга! . . . . .

Но мало по малу изумленіе прошло; складки бровей разгладились, лицо приняло обычное добродушное выраженіе, Акинфъ хлопнулъ себя

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

руками по бедрамъ и, повернувшись ко мнѣ, съ усмѣшкой сказалъ: —А вѣдь ловкачи—шельмы! Чисто дѣло обдѣлали. Просто на удивленіе!

— То-то—ловкачи; смотри, какъ-бы онии у тебя сапогъ не утащили. Меня успѣли уже нагрѣть, и платокъ и папиросы изъ кармана вытащили.

— Какъ же это такъ? удивленно спросилъ Акинфъ.

— Поди, узнай у нихъ. Можетъ быть они тебѣ разскажутъ.

— Нѣтъ, этого допущать нельзя! Малина—плевое дѣло; ее опять собрать можно. Папиросы—тоже не большой разсчетъ; а что платокъ, такъ я его у нихъ изъ глотки выдеру. Я вашему благородію сегодня, изъ новыхъ платковъ, самый лучшій выбралъ, съ красной каемкой; онъ деньги стоитъ. Сейчасъ же обыскъ сдѣлаю. Хоть до гола всѣхъ раздѣну.

— Оставь ты ихъ лучше въ покоѣ. Намъ на себя приходится пенять, что связались съ ними... въ другой разъ будемъ осторожнѣе.

— Никакъ нельзя оставить. Дать имъ повадку, такъ они еще что нибудь худшее накуралесятъ: домъ подожгутъ, ограбятъ, зарѣжутъ человѣка! . . . .

— А покуда этого не случилось, такъ ты собирай ихъ,—пора домой идти.

— Когда соберутся, — позвольте обыскать ихъ; можетъ быть, и найдется платокъ.

— Не нужно. Я спрошу, кто взялъ; отдадутъ — ладно, не отдадутъ,—потеря не велика.

— Такъ-то оно такъ, только все же. . . . .

Акинфъ не договорилъ. Онъ приставилъ руки раструбомъ къ открытому рту и что было мочи началъ кричать: „Ау!.. Собирайтесь!.. Ау!....“ Эхо повторило этотъ окликъ нѣсколько разъ, на него отозвались десятки голосовъ, онъ нашелъ отвѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ лѣсной чащи и долго не умолкалъ.

Медленно выползали ребятишки изъ за деревьевъ, имъ видимо не хотѣлось разстаться съ лѣсомъ, гдѣ дышалось такъ хорошо и свободно, гдѣ они чувствовали себя далеко отъ родительскаго глаза; гдѣ вѣроятно, почти всѣмъ имъ хотя-бы только на одну минуту вспомнилось другое время, другая обстановка, непохожая на тюрьму съ желѣзными рѣшетками.

— Уже на этапъ пойдемъ? спросила меня та дѣвочка, которая собиралась заняться коммерческими оборотами съ горшечками, наполненными до половины березовыми листьями.

— Позвольте намъ еще погулять!... Позвольте еще!... Позвольте!... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Вѣкъ будемъ молить за васъ Господа Бога! ввернулъ свое слово Василій.

— Не стоите вы того, чтобы съ вами гулять, — солдата обидѣли, малину у него стащили, да и у меня вытащили изъ кармана платокъ и папиросы.

Дѣти притихли и потупили головы въ землю.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Мы не брали, выговорилъ наконецъ Петръ. „Зачѣмъ намъ платокъ? А ягодъ мы солдату хоть вдвое больше сейчасъ же насобираемъ, только позвольте еще немного погулять.

— Позвольте! Позвольте еще! . . . Мы ягодъ насобираемъ сколько угодно! раздалось изъ толпы.

— А кто платокъ взялъ? Вы, вѣдь, знаете?

Опять тишина и опять потупленныя головы. Было очевидно, что имя похитителя моего платка извѣстно большинству дѣтей; но что этого имени не хотятъ произнести въ силу глубоко вкоренившихся въ средѣ арестантовъ понятій: „своихъ не выдавать“ и „доносчиковъ немилосердно преслѣдовать“.

— Платокъ отыщется. Я самъ отыщу и принесу его вамъ въ цѣлости; только позвольте еще немного погулять, заговорилъ Петръ. Рано вѣдь домой идти, — теперь самое время гулять. Когда то еще придется вырваться на свободу, кто знаетъ? такъ хоть сегодня позвольте погулять въ волю!

— Ладно, гуляйте!...

Дѣти не заставили повторять эти слова во второй разъ, черезъ мгновеніе они разбѣжались и я очутился одинъ — одинешенекъ, такъ какъ даже Акинфъ, не довѣряя обѣщанію, что ему соберутъ ягодъ, ушелъ отъ меня вторично наполнять туесы. Мнѣ не долго пришлось ожидать Петра. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подошелъ, держа въ рукахъ платокъ.

— Вотъ, извольте, вашъ платокъ. Какой былъ, такой и остался! ...

— Скажи мнѣ, Петръ, кто его взялъ?

— Кто взялъ, у того теперь—нѣтъ!

— А вѣдь это ты, шельмецъ, подтибрилъ? Другіе дѣти и не хотѣли сказать мнѣ, кто взялъ, потому что боялись быть поколоченными. Ты вѣдь между ними всѣхъ старше и всѣхъ сильнѣе. Только не понимаю, зачѣмъ онъ тебѣ понадобился?

— Платка я вашего не бралъ. Напрасно на меня думаете. Если не разсердитесь, такъ я вамъ всю правду разскажу, какъ было дѣло, потому что теперь все равно дѣло открылось, скрываться незачѣмъ. Покурить мнѣ захотѣлось; а попросить папироску у васъ поопасился. Вотъ въ то самое время, какъ солдатъ, ровно боровъ, растянулся на землѣ и вышла сумятица, я и утащилъ у васъ папиросникъ съ папиросами. Думалъ только одной попользоваться, а ихъ-то и всего штуки четыре было, такъ я ужъ и остальныя по пути прихватилъ А платокъ въ это время совсѣмъ изъ кармана высунулся, его дѣвчонки и вовсе вытащили,—онъ имъ годится, красивый вѣдь онъ, бѣлый съ каемками. Я же на свою душу только и взялъ грѣха за папиросы...

— Много, много взялъ грѣха. Я теперь, по твоей милости, сижу не куривши.

— Извольте папироску, я еще не всѣ выкурилъ. Всего двѣ сѣрянки было, извелъ ихъ, а теперь и закурить нечѣмъ.

Дозволено цензурою 29 января 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й. Редакторъ Н. Тюменцевъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Доставъ изъ кармана папиросу, Петръ съ необыкновенною развязностью предложилъ мнѣ ее. Разговоръ нашъ принялъ такой оборотъ, что мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ, взявъ любезно предлагаемую папиросу, закурить ее и подѣлиться огнемъ съ Петромъ....

— Ты давно, Петръ, началъ заниматься такими дѣлами?.....

Петръ молчалъ.

— Вѣдь ты, поди, знаешь, продолжалъ я, какъ называются такія дѣла. Воровствомъ, вѣдь, это называется, а воровство дѣло нехорошее. Ты—не Аксинья, можешь отличить, что хорошо и что дурно. Чего насупился?... Брось этимъ заниматься. Нехорошее дѣло... безъ него обойтись можно. Теперь ты изъ за шалости это дѣлаешь; выростешь,—тогда и впрямъ воровать начнешь. Хочешь развѣ, чтобы и тебя вели по этапу съ бритой головой да въ кандалахъ?

— Нѣтъ, баринъ, я этого не хочу, отвѣчалъ Петръ, опускаясь на траву, напротивъ меня. Да что-же подѣлаешь, когда такъ и тянетъ добыть что нибудь получше? Голодаешь; смотришь, другіе арестанты у торговокъ калачи таскаютъ, сходитъ это имъ съ рукъ благополучно, ну и самъ тащишь. Зачѣмъ отъ другихъ отставать, всѣ вѣдь мы вмѣстѣ въ партіи идемъ.

— Ты говоришь, что всѣ это дѣлаютъ. И пусть себѣ дѣлаютъ. Тебѣ не нужно на нихъ смотрѣть,—ты человѣкъ свободный; подростешь, выйдешь на волю....

— Какой-же я свободный? Все на томъ-же арестантскомъ положеніи. Кабы былъ свободнымъ, такъ не вели-бы меня по этапу и въ тюрьмѣ не держали. Такой-же арестантъ, какъ и другіе; только будто малолѣтокъ, такъ отъ того и ведутъ меня безъ кандаловъ. Все терпишь на ряду съ другими арестантами. Одинаково на каторгу премъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, попытался возразить я.

— Да какъ-же нѣтъ? Ну! вотъ, примѣрно, хоть-бы вы, баринъ, можете меня сейчасъ освободить? Ступай, молъ, на всѣ четыре стороны. Свободный ты человѣкъ, гуляй себѣ на здоровье!

— Нѣтъ, не могу, ты долженъ идти дальше вмѣстѣ съ родителями.

— Вотъ видите-ли! А говорите,—свободный. Свободнаго не станутъ вести въ каторгу, его никто не можетъ задерживать. Свободный, такъ свободный и есть; его нельзя отправить въ партіи...

Разубѣдить Петра въ усвоенныхъ имъ понятіяхъ было дѣломъ нелегкимъ; но за то яснымъ становилось, какія извращенныя понятія являются у арестантскихъ дѣтей по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ и начинаютъ мыслить, разсуждать. Входя въ возрастъ, эти несчастныя дѣти вполнѣ сживаются съ тюрьмой, ссылкой и каторгой; въ нихъ прочно вкореняется убѣжденіе, что дальнѣйшая ихъ жизнь и можетъ только вращаться въ сферѣ рудниковъ и арестантскихъ камеръ, что свобода является для нихъ дѣломъ недосягаемымъ, немыслимымъ. Ребенокъ, подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій, примѣняется къ той средѣ, въ которой онъ разсчитываетъ провести всю дальнѣйшую жизнь, онъ подлаживается подъ тонъ этой среды и съ жадностью черпаетъ всѣ ея принципы, инстинктивно сознавая пословицу—„съ волками жить, по волчьи выть“. Позднѣе, съ годами, ребенку трудно передѣлываться и

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

перевоспитываться и потому онъ, въ большинствѣ случаевъ, волей—неволей дѣйствительно попадается въ какомъ нибудь преступленіи, судится, казнится и лишается званія свободнаго человѣка.

— Подростешь, Петръ, можешь уйти отъ родителей, работой заняться. Честному и хорошему работнику всегда найдется мѣсто, каждый хозяинъ будетъ радъ такому работнику; а въ особенности здѣсь въ Сибири, гдѣ мало работниковъ.

— А какую работу я могу работать? Что я могу дѣлать, если ни къ чему не пріученъ. Дома ничего не дѣлалъ, потому что былъ малъ, ни на какую работу не годился. Одно только дѣло и зналъ—табуны лошадей сторожить, да въ бабки съ ребятами на улицѣ играть. За три года, что въ тюрьмѣ просидѣлъ да по этапамъ бродилъ, тоже ничему не выучился. Какой-же изъ меня работникъ можетъ быть? Кто возьметъ меня неумѣлаго? Ни кому вѣдь не охота даромъ кормить.... Нѣтъ, баринъ, вы это все напрасно говорите. Никакого изъ меня пути не будетъ. Порѣшилъ я уйти изъ каторги бродяжить, это самое подходящее дѣло.

— Кто выучилъ тебя такимъ несообразностямъ. Отъ отца и матери врядъ-ли приходилось такія глупости слышать.

— Да, вѣдь, много народу въ партіи... Слушать, что люди говорятъ, никто не запрещаетъ; вотъ изъ этихъ разговоровъ все доподлинно узнаешь. А главный мой пріятель — Иванъ Бродяга, почитай самый умный человѣкъ въ партіи будетъ; онъ всѣ эти дѣла такъ обсказываетъ, что сразу поймешь.

— Ты-бы по меньше слушалъ этого Ивана—лучше-бы было.

— Зачѣмъ его не слушать? Онъ меня не обижаетъ, разсказываетъ про арестантское житье правду, потому что самъ все видѣлъ, самъ черезъ всякую жизнь прошелъ. Онъ тоже съ родителями своими прибылъ въ Сибирь годовъ десять тому назадъ, такимъ-же свободнымъ былъ, какъ я теперь.... Потомъ ушелъ отъ семьи, пробовалъ наняться въ работники—дѣло невыгорѣло. Вотъ онъ и пошелъ послѣ этого бродяжить и по его разсказамъ, такъ нѣтъ жизни милѣе бродяжества. Всего насмотришься, все узнаешь, узнаешь и настоящую свободу—когда нѣтъ надъ тобой никакого старшаго, нѣтъ ни на что запрету. Слушать разсказы Ивана не въ примѣръ лучше нежели баловаться съ ребятенками.... Онъ и грамотѣ меня обучаетъ на дневкахъ и на ночлегахъ. Отъ Тюмени до сюда я весь букварь вытвердилъ.

— Вотъ это хорошее дѣло,—пригодится.

— Вѣстимо, пригодится. Какъ по бродяжеству поймаютъ, за старосту въ партіи пойду,—старостой все больше грамотного норовятъ выбрать, чтобы разсчеты умѣлъ вести. А идти въ партіи старостой—лафа. Отъ всѣхъ почетъ, уваженіе, деньжонки зачастую перепадаютъ; даже начальство на старосту иначе смотритъ, всякое снисхожденіе ему дѣлаетъ, водкой подчуетъ.

Я невольно улыбнулся. Послѣдніе лучи солнца, собиравшагося скрыться за тайгой, скользнули по верхушкамъ деревъ и отраженные зеленью сосенъ и лиственницъ, освѣтили на мгновеніе лицо сидѣвшаго передо мной мальчика, заранѣе обрекающаго себя на бродячую

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

жизнь, мечтающаго о достиженіи званія партіоннаго арестантскаго старосты. И о чемъ-же другомъ, впрочемъ, можетъ мечтать этотъ мальчикъ? Мы всѣ, будучи дѣтьми, мечтаемъ, идеализируемъ свою будущность, представляемъ себя въ томъ или другомъ положеніи. Сынъ военнаго человѣка, находясь въ томъ возрастѣ, когда въ дѣтской головѣ есть мѣсто неустановившимся мечтамъ и фантастическимъ представленіемъ будущаго, непремѣнно мечтаетъ быть генераломъ. Сынъ священника въ томъ-же возрастѣ заранѣе видитъ себя въ камилафкѣ, съ наперстнымъ крестомъ, протоіереемъ, отцомъ благочиннымъ Сынъ крестьянина, если не говоритъ вслухъ, то навѣрно думаетъ: ,,а хорошо быть старшиной,—шапки всѣ передъ нимъ снимаютъ, по отчеству величаютъ; ужо выросту—выберутъ и меня въ старшины“! Сыну каторжнаго, въ особенности подъ впечатлѣніемъ ежеминутно слышимыхъ арестантскихъ разсказовъ и легендъ, въ которыхъ очень много преувеличеннаго и необыкновеннаго, способнаго въ высшей степени повліять на юную голову, въ которыхъ чуть не на каждомъ шагу вспоминаются молодцы, лихачи - старосты, не остается больше ничего, какъ видѣть верхъ блаженства въ достиженіи со временемъ званія партіоннаго старосты. Арестантскій мальчикъ, предполагающій сдѣлаться бродягой, мечтаетъ быть со временемъ старостой единственно потому, что партія оказываетъ старостѣ почетъ, начальство подноситъ ему рюмку водки, совершенно также, какъ сынъ военнаго, не понимающій какіе права и преимущества дастъ чинъ генерала, увлекается этимъ чиномъ только потому, что видитъ генерала въ красивомъ мундирѣ, въ лентахъ и звѣздахъ; видитъ, что ,,папаша“ и всѣ ,,дяди“—товарищи папаши оказываютъ генералу особую предупредительность и особое почтеніе; а ,,мамаша“, въ ожиданіи генерала, приказываетъ изготовить обѣдъ совсѣмъ не такой, какой бываетъ всегда—является два, три лишнихъ лакомыхъ блюда, является бутылка вина, котораго ребенку не приходится видѣть ежедневно. Званія старосты въ воображеніяхъ Петра и генеральскій чинъ въ воображеніи сына офицера играютъ совершенно тождественную роль, потому что одинаково представляютъ собою исходную точку фантастическаго будущаго, вѣнецъ дѣтскихъ мечтаній.

— Такъ ты ужъ заранѣе, стало быть, порѣшилъ быть старостой?

— Вы все, баринъ, смѣетесь надо мной. . . . .

— Я смѣюсь?.... Боже меня сохрани!... Мнѣ только жаль тебя и не тебя одного,—мнѣ васъ всѣхъ ужасно жаль, пропадаете вы ни за что. . . . .

— Вовсе не пропадаемъ. Каждому человѣку раньше еще, передъ тѣмъ, какъ онъ родится на свѣтъ, судьба его опредѣлена. Противъ это судьбы не пойдешь. Если назначено арестантомъ сдѣлаться, такъ ужъ никакъ отъ этого не увернешься. Стало быть и жалѣть нечего. На роду такъ написано.

— Этому тебя тоже Иванъ выучилъ?

—Это всѣ говорятъ... Иванъ и другіе арестанты.

—Глупости они всѣ говорятъ—никакой судьбы нѣту и ничего заранѣе на роду не пишется.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Этому тебя тоже Иванъ выучилъ?

— Это всѣ говорятъ: и Иванъ и другіе арестанты.

— Глупости они всѣ говорятъ—никакой судьбы нѣту и ничего заранѣе на роду не пишется.

— Нѣтъ это дѣло вѣрное; всѣ не станутъ зря болтать, возражалъ Петръ, отстаивая фаталистическій взглядъ на жизнь, тотъ взглядъ, которымъ сильно проникнута масса арестантовъ и который создается вслѣдствіе замкнутости, полнаго изолированія отъ свѣта.

Солнце, между тѣмъ, уже совсѣмъ скрылось за лѣсомъ; ни одинъ свѣтлый лучь не проникалъ сквозь густую чащу деревъ; зелень, какъ-бы укутываясь передъ наступленіемъ ночи въ темную пелену, тускнѣла съ каждой минутой все больше и больше; между деревьями началъ зарождаться полумракъ, только одинъ небесный сводъ оставался по прежнему—чистый, лазурный.

— Не пора-ли домой идти?

— Время... Пристали, умаялись! да и поѣсть охота. Давно вѣдь мы здѣсь гуляемъ. Да вотъ и ребята начинаютъ уже собираться.

Дѣйствительно, уставшіе и проголодавшіеся дѣтишки, едва едва передвигая ногами, направлялись ко мнѣ. Нагулялись они вволю, побѣгали, поиграли и пошумѣли; всѣ вмѣстилища были наполнены ягодами; а рты и щеки, выпачканные въ красный цвѣтъ, ясно свидѣтельствовали, что и съѣдено этихъ ягодъ было тоже не мало. Стало быть прогулка удалась, какъ нельзя лучше и оставалось только благополучно возвратиться во свояси,

— Ты, Петръ, какъ будущій староста, собирай поскорѣй всю партію, выстрой ее, сосчитай, опроси нѣтъ-ли претензій; а потомъ мы пойдемъ домой.

Петръ живо бросился исполнять порученіе, скоро собралъ всѣхъ дѣтей и, когда оказалось, что никто не бѣжалъ и не потерялся, мы направились къ этапу. Дружной гурьбой тѣснились дѣти около меня, отсталыхъ оказалось всего двое, во первыхъ Акинфъ, крайне жалѣвшій, что ему не удалось наполнить второй туезъ до верху и во вторыхъ Аксинья, оказавшаяся вслѣдствіе усталости, совершенно неспособной двигаться вслѣдъ за всѣми на собственныхъ ногахъ. Дѣти хохотали подтрунивали надъ несчастной Аксиньей.

— Пошли вонъ, варнаки! Почто махонькую обижаете?... Прійдемъ на этапъ, я старостѣ про всѣ ваши художества разскажу. Онъ вамъ всѣмъ баню задастъ, ворчалъ Акинфъ, направляясь къ Аксиньѣ.

— Дяденька, солдатикъ, кавалеръ, миленькій ты нашъ, пожалуйста, не сказывай! на разные голоса лепетали дѣти, устрашенные именемъ старосты.

— Вишь, теперь дяденькой да кавалеромъ величаютъ; а давча рады были зарѣзать. Ууу... мошенники!

— Дяденька, голубчикъ, пожалуйста не сказывай, мы большенникогда не будемъ!

— Ну, ладно. Не орите. Если въ порядкѣ будете идти и ничего не украдете,—прощу. Только, чтобы у меня ни—ни! А то... смотрите!...

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Акинфъ не договорилъ. Онъ ухитрился захватить оба туеса подъ одну руку; на другую посадилъ Аксинью и, нагруженный такимъ образомъ, выдвинулся въ авангардъ.

— Кавалеръ! давай-ка, я твои ягоды до этапу донесу, предложилъ свои услуги Петръ.

— Нѣтъ, братъ, спасибо. Мнѣ не охота въ третій разъ спину гнуть. Довольно съ васъ и того, что одинъ разъ меня надули, больше-не доведется.

— Какъ знаешь!... Мнѣ-же легче идти порожнякомъ. Я помочь тебѣ хотѣлъ.

— Знаю я эту помощь. Вашему брату повѣрь только, такъ какъ разъ безъ рубахи останешься.

Если-бы Акинфъ могъ видѣть, какъ во время этого разговора Костя, Васька, татарченки и даже жиденята высовывали по направленію его свои языки, кривлялись и гримасничали, то онъ навѣрно исполнилъ-бы свое обѣщаніе пожаловаться старостѣ, и дѣтямъ, послѣ пріятной прогулки, пришлось бы испытать хотя легкія, но все-же непріятныя исправительныя мѣры въ формѣ трясоволосокъ, зуботычинъ, пожалуй, даже порокъ. Къ счастію шалуновъ, Акинфъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, сосредоточивъ его на сохраненіи въ цѣлости своей двойной ноши.

— Баринъ, а пуговичку то какъ-же, подарите что-ли? Вѣды вы обѣщали, приставалъ ко мнѣ Василій.

— Ужъ не за то-ли тебѣ подарить пуговицу, что ты научилъ Фимку набить половину горшковъ березовыми листьями вмѣсто ягодъ?

— Нѣтъ, ей-богу нѣтъ, я этого не дѣлалъ. Вотъ сейчасъ-же на этомъ мѣстѣ провалиться, до утра не дожить, если только я этому училъ. Спросите хоть ее самое!

— Полно врать, Василій, стыдно!

— Онъ у насъ купецъ, вмѣшался въ разговоръ Петръ. Всякую штуку у него можно купить, только нужно во всѣ глаза глядѣть, чтобы не обмишурилъ. Отличный изъ него майданщикъ выйдетъ. Сто разъ готовъ изъ за всякой дряни божиться.

— Ври больше! огрызнулся Василій.

— А нешто неправда? За что тебя староста раза три принимался пороть, какъ не за твои плутни? Ну-ка разскажи барину, какъ ты у своего отца рубаху казенную укралъ да торговкѣ на огурцы вымѣнялъ,—а потомъ показалъ будто сама торговка рубаху утащила. Скажешь, неправда? Пожалуй, и по сю пору рубцы отъ розогъ не зажили.

— Ну такъ чтожъ, что выпороли? А тебя самаго развѣ не драли за то, что къ Машкѣ пристаешь? Я и сегодня разскажу, что ты съ нею въ лѣсу дѣлалъ, когда баринъ спалъ. Знатную тебѣ порку зададутъ. Староста на тебя давно руки чешетъ!

— Пока мнѣ зададутъ, такъ вотъ тебѣ впередъ, отвѣтилъ Петръ и въ тоже самое время отпустилъ Василію полновѣсную оплеуху.

— Ловко угодилъ! раздалось въ толпѣ. Такъ ему и нужно, — онъ самая „язва“ въ партіи, первый на всѣхъ доносчикъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Сконфуженный, покраснѣвшій отъ злости Василій, ехидно взглянулъ на Петра, проворчалъ что-то сквозь зубы и замѣшался въ толпу.

— Перестаньте ссориться, — иначе я на васъ всѣхъ пожалуюсь и вамъ всѣмъ достанется. Спойте лучше какую—нибудь пѣсню. Вѣдь вы много пѣсень знаете, въ дорогѣ выучились?

— У насъ Петръ много пѣсень знаетъ и запѣваетъ ихъ хорошо, сказалъ кто-то изъ дѣтей. Онъ съ большими арестантами часто поетъ.

— Ну, Петръ, начинай; веселѣй дойдемъ!

— Какую-же вамъ, баринъ, пѣсню спѣть?

— Какую хочешь!

— Я спою настоящую, арестантскую; а вы смотрите не отставать, хорошенько подтягивать, обратился Петръ къ остальнымъ. „Арестантскую долю“ станемъ пѣть; Машка и Грунька за подголосковъ тяните, да не торопитесь, ровнѣй пойте; кто не знаетъ словъ, тотъ голосъ тяни.

Около Петра сгруппировалось человѣкъ десять дѣтей и онъ, копируя манеру настоящаго арестантскаго запѣвалы, непремѣнно имѣющагося въ каждой партіи, откашлялся, подбоченился, заломилъ на ухо сѣрую, блинообразную, казенную шапку и звонкимъ, пріятнымъ, хотя еще не вполнѣ сформировавшимся голосомъ, затянулъ.

„Мы вѣкъ проклинаемъ въ тюрьмахъ свою долю;
„Въ цѣпяхъ, подъ конвоемъ, идемъ мы въ неволю!

Хоръ, присоединяясь къ запѣвалѣ, въ концѣ втораго стиха, добавлялъ припѣвъ:

„Острогъ—кровъ родимый; этапъ—другъ нашъ милый;
„Могила всѣмъ намъ въ рудникахъ!

Заунывная мелодія пѣсни, похожая на мотивъ похороннаго марша, исполнялась дѣтскими голосами стройно и если не съ сознательнымъ чувствомъ тоски; то за то съ тѣмъ особеннымъ, за сердце берущимъ стономъ, который всегда слышенъ въ пѣсняхъ арестантовъ и которому дѣти научились, часто слушая пѣніе взрослыхъ.

Звуки этой мелодіи торжественно разносились въ вечернемъ воздухѣ и, постепенно тая, замолкали гдѣ-то далеко. Давъ время замереть послѣднему отголоску хора, Петръ снова запѣлъ:

„Нѣтъ для насъ счастья, нѣтъ для насъ свѣта,
„Нѣтъ для насъ ласки, нѣтъ и привѣта!

А десятки голосовъ снова отвѣтили тѣмъ-же заунывнымъ припѣвомъ.

„Острогъ—кровъ родимый; этапъ—другъ нашъ милый;
„Могила всѣмъ намъ въ рудникахъ!
„Нѣтъ радостей больше, пропало веселье;
„Утѣхой осталось въ Карѣ подземелье!

тянулъ Петръ.

„Острогъ—кровъ родимый; этапъ—другъ нашъ милый;
„Могила всѣмъ намъ въ рудникахъ“!

отвѣчалъ хоръ.

Грустно становилось! Грустно особенно потому, что пѣсню пѣли дѣти. Безсознательно лепечете вы теперь слова пѣсни, хотѣлось

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

сказать пѣвцамъ; лепечете, не понимая горькаго смысла, заключающагося въ этихъ словахъ; но съ годами и вы поймете этотъ смыслъ и сознаете всю его горечь. Какъ встрѣтите вы это сознаніе? Будете-ли приготовлены отвернуться отъ жизни, ведущей въ Карійскіе рудники или безсильно падете подъ гнетомъ окружающей васъ среды, безъ борьбы увѣруете, что ваша жизнь должна окончиться въ каторгѣ. Петръ продолжалъ:

,,Во мракѣ холодномъ тамъ жизнь протекаетъ,
,,Палачъ своей плетью тамъ больно ласкаетъ!

Раздавался все тотъ-же заунывный припѣвъ; раздавался послѣ каждаго куплета отчетливѣе, торжественнѣе.

,,Ласкать не скупится, валитъ во всю силу;
,,Насъ лаской своею вгоняетъ въ могилу!
,,Острогъ—кровъ родимый; этапъ—другъ нашъ милый;
,,Могила милѣе всего''! закончилъ хоръ *).

Дѣти не оборвали припѣва по окончаніи пѣнія. Ихъ голоса утихали постепенно, наконецъ они совершенно замолкли, наступила тишина; всѣ молчали, видимо находясь подъ впечатлѣніемъ только—что слышаннаго, раздалось два—три вздоха.

— Охота вамъ такія, скучныя пѣсни пѣть. Спойте что — нибудь веселое!

— Да у насъ всѣ арестантскія пѣсни такія, отвѣчалъ Петръ, у насъ веселыхъ пѣсень нѣтъ,—не отъ куда взяться веселью. Вотъ про Ланцова пѣсня — хорошая; а тоже не веселая. Давайте, ребята, споемъ про Ланцова. Эту пѣсню всѣ знаете.

На сколько пѣсня, только что пропѣтая дѣтьми, была новѣйшаго происхожденія; на столько же пѣсня объ Ланцовѣ, которую начали пѣть ребятишки, по приглашенію Петра, стара и общеизвѣстна. Пройдутъ десятки лѣтъ, а имя Ланцова. преувеличенные описанія его побѣговъ, легенды объ его молодечествѣ и удали, не умрутъ въ арестантской средѣ и вѣчно будутъ повторяться и въ разсказахъ и въ пѣсняхъ

---

*) Пѣсню эту мнѣ пришлось слышать отъ арестантовъ всего два или три раза и я привелъ ее здѣсь цѣликомъ потому, что она не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ сборниковъ арестантскихъ пѣсень. По словамъ арестантовъ эта пѣсня сложена въ Тюменской тюрьмѣ, въ началѣ 70 хъ годовъ. Мнѣ удалось слышать варьянтъ этой пѣсни. Вотъ онъ:

Въ тюрьмахъ проклинаемъ мы долю,
Изъ тюрьмъ, подъ конвоемъ плетемся въ неволю.
Въ Карѣ нѣтъ намъ счастья, въ Карѣ тьма большая,
Пропала для насъ ужъ сторонка родная.
Пропала свобода, пропало веселье,
Утѣхой осталось одно подземелье.
Во мракѣ и въ страхѣ тамъ жизнь протекаетъ,
Въ цѣпяхъ и подъ плетью «несчастный» страдаетъ.
Кто труситъ, тотъ скоро совсѣмъ пропадаетъ;
А кто побойчѣе, такъ тотъ убѣгаетъ.

Припѣвъ пѣсни и въ варьянтѣ остается тотъ-же. *К. Н.*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

арестантовъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ той пѣснѣ, которую пѣли дѣти, разсказывалось про одинъ изъ многихъ побѣговъ Ланцова, успѣвшаго обмануть бдительность цѣлаго караула и вылезшаго изъ тюрьмы черезъ трубу въ печкѣ. Окончивъ описаніе этого подвига героя каторги, Петръ затянулъ новую пѣсню; мы стали приближаться къ этапу и въ то время, когда подошли къ воротамъ моей квартиры, разохотившіеся ребятишки звонко заливались:

„По морямъ, по волнамъ,
„Нынче здѣсь, завтра тамъ!
„По морямъ, морямъ, морямъ,
„Нынче здѣсь, а завтра тамъ!

— Шабашъ! скомандовалъ Петръ, махнувъ рукою въ воздухѣ. Хоръ замолкъ. Пѣніе прекратилось . . . .

— Покорно благодаримъ, баринъ, что взяли насъ погулять! Теперь и на отдыхъ можно, потому что завтра рано выступать.

Дѣти съ шумомъ бросились къ воротамъ арестантскаго двора, въ которыхъ стоялъ дежурный, чтобы, во—первыхъ, сосчитать, всѣ-ли вернулись; а во вторыхъ, осмотрѣть, не принесъ-ли кто съ собой какого—нибудь запретнаго плода.

— Позвольте мнѣ, ваше благородіе, эту вотъ дуру у насъ на кухнѣ покормить, обратился ко мнѣ Акинфъ, указывая на Аксинью.—Въ камерѣ у нея сейчасъ-же все отберутъ тѣ, которые постарше да попроворнѣй... Я ихъ сегодня хорошо узналъ. Лучше умѣютъ плутовать, чѣмъ большіе арестанты.

— Корми, да и мнѣ давай поскорѣе ѣсть,—страхъ, какъ проголодался.

— Все обстоитъ благополучно, рапортовалъ подошедшій фельдфебель.

— Пьяныхъ много?

— Очень пьяныхъ нѣтъ ни одного; а только, какъ день праздничный, такъ есть маленько хватившіе.... Лаврентьичъ съ Антоновымъ...

— Готовы?....

— Точно такъ. Отпросились у меня сходить въ гости къ писарю на станцію, выпили тамъ и разодрались!

— Такъ какъ же ты говоришь, что все благополучно?

— Претензій другъ на друга никакихъ не имѣютъ....

— Значитъ, Кешкина жена всѣмъ угодила?

— Точно такъ.... Позвольте вамъ еще доложить, ваше б—діе, Шавринъ свою бабу прибилъ.

— За что?

— Упорная она у него. Онъ денегъ у нея просилъ, потому извѣстно охота выпить въ праздникъ; а она облаяла его скверными словами. За это самое онъ ее и отвозилъ за волосы.

— Ну, это ихъ дѣло.... Больше ничего?

— Бурка командный захромалъ. Карька в. б—дія его въ ногу лягнулъ.

Дозволено цензурою 5 февраля 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й. Редакторъ Н. Тюменцевъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Теперь все?

— Точно такъ.

— И прекрасно. Пора, кажется, арестантамъ повѣрку дѣлать. Ихъ сегодня нужно пораньше запереть, чтобы завтра выступить чуть свѣтъ и до жары въ Ламай поспѣть.

— Слушаю-съ!

И, повернувшись на лѣво кругомъ, фельдфебель отправился дѣлать вечернюю повѣрку арестантовъ; а я ушелъ въ комнату, гдѣ принялся истреблять поросенка подъ хрѣномъ, поданнаго Акинфомъ. Покуда я закусывалъ, фельдфебель окончилъ повѣрку, заперъ арестантскія камеры и явился рапортовать, что на повѣркѣ всѣ арестанты оказались на лицо. Вмѣстѣ съ фельдфебелемъ пришелъ арестантскій староста.

— Къ вамъ, в. б—діе, съ просьбой.

— Что тебѣ нужно?

— Пришолъ у в. б—дія попросить позволенія поучить своихъ „племяшей“.

— Какихъ племяшей?

— Петра, Василія и Марью. Ваську за то, что онъ у в. б—дія пуговицу выпрашивалъ; а Петьку и Машку за скверности разныя. Мнѣ Василій все разсказалъ, какъ тамъ дѣти баловались! Чтобы они впередъ умѣли свое поведеніе соблюдать, если имъ снисхожденіе и удовольствіе дѣлаютъ, такъ позвольте ихъ поучить немного.

— Какъ поучить? Что ты съ ними хочешь дѣлать?

— Посѣчь маленько. Если это дѣло я оставлю безъ наказанія, такъ ихъ отцы крѣпко отколотятъ, пожалуй изувѣчатъ, — отъ нихъ все станется; а я ихъ только легонько постегаю, это не впервое случается. Всегда, какъ нужно,—попросишь у начальника позволенія и поучишь гдѣ—нибудь въ особомъ мѣстѣ, чтобы, значитъ, не стремить на всю партію.

— Нѣтъ, братъ, ты оставь это дѣло. Я на нихъ не сержусь, стало быть зачѣмъ-же наказывать.

— Право, в. б—діе, хуже будетъ. Если ихъ не наказать сегодня, такъ либо ночью, либо завтра на привалѣ или полуэтапѣ меня родители непремѣнно заставятъ это сдѣлать. Такой ужъ обычай.

— Да я не могу тебѣ позволить этого сдѣлать. Я не имѣю права ихъ наказывать.

— Это вы не отъ себя, в. б—діе. Это родительскою властью, на мнѣ лежитъ эта обязанность, покуда я старостой.

— А если на тебѣ, такъ зачѣмъ ты спрашиваешь моего позволенія? Можешь дѣлать, какъ хочешь; только я тебя прошу не наказывать ихъ.

— Нельзя, в. б—діе, право нельзя! убѣждалъ меня староста. Для ихъ-же это пользы. Я самъ жалѣю дѣтей; знаю я, что они не за свою вину терпятъ и накостямъ всякимъ отъ насъ-же выучились; а все-же учить ихъ нужно. Если я стану наказывать, такъ накажу въ мѣру, послѣ этого ихъ никто и пальцемъ не посмѣетъ тронуть; если-же позволить родителямъ, такъ они будутъ бить, пока руки устанутъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вѣдь, въ камерѣ кругомъ все звѣрь—народъ, любитъ смотрѣть на муки да истязанія, ржетъ да подхваливаетъ, какъ кого—нибудь тиранятъ. Право, позвольте, в. б—діе. Это вамъ вдиковину, потому что, видно, первый разъ случается: недавно вы еще на этапѣ. Поживете—узнаете.

— Позволить я тебѣ не могу; а если ты не хочешь исполнить моей просьбы, такъ дѣлай какъ знаешь!

— Слушаю. Ради вашей просьбы я ихъ только маленько попугаю, хотя-бы за такія скверности слѣдовало хорошенько проучить, чтобы навсегда охоту отбить.

Подъ покровомъ темной ночи, запертые на ключъ въ камерахъ, арестанты сплошь и рядомъ сами наказываютъ провинившихся въ чемъ—нибудь. Въ этихъ случаяхъ наказанія являются звѣрскими, безчеловѣчными; виновныхъ колотятъ чѣмъ попало, заколачиваютъ до полусмерти, вгоняютъ въ чахотку, въ гробъ. Противъ этого безсильно какое-бы то ни было запрещеніе,—нельзя соваться съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь. Староста оказывался правъ, сказавши, что простить дѣтей было-бы равносильно тому, чтобы отдать ихъ на произволъ родителей, которые, разгорячившись, давъ волю разнузданнымъ страстямъ, могли-бы наказать этихъ дѣтей жестоко, свирѣпо. Арестантская среда, какъ будто бы поняла это обстоятельство и предоставила право наказанія дѣтей старостѣ, который во время дороги является опекуномъ, ментором и наставникомъ своихъ „племящей“. Это своего рода обычное право, безнравственное и безобразное; но тѣмъ не менѣе существующее на ряду съ другими безобразіями, гнѣздящимися среди арестантовъ. Вліяніе отдѣльныхъ личностей совершенно безсильно измѣнить это право; время и только одно время можетъ положить конецъ этимъ безобразіямъ. . . . Будемъ ждать этого счастливаго времени. . . . .

Между тѣмъ солнце совершенно скрылось и наступили сумерки. Съ каждой минутой они сгущались и окутывали все окружающее темнымъ, иглистымъ покровомъ. Сѣрый цвѣтъ сталъ по немногу переходить въ черный, только на окраинѣ горизонта долго еще свѣтилась широкая, красная полоса, какъ будто не желавшая покориться темнотѣ; но вотъ и она мало по малу потухла. Темень, хоть глазъ выколи—ничего не видно. Въ воздухѣ появились тучи мошекъ и комаровъ, изъ тайги явственно раздавалось стрекотаніе кузнечиковъ, оттуда-же по временамъ слышались отрывистые стоны кукушки; нетопыри прорѣзывали тьму, направляясь къ фонарю, зажженному на ночь у будки часового; нѣсколько солдатокъ, собравшись подъ навѣсомъ около кухни, о чемъ-то весело болтали.

Я вышелъ на крыльцо и, закуривъ сигару, чтобы дымомъ отъ нея держать на почтительномъ разстояніи рои навязчивыхъ мошекъ, полной грудью вдыхалъ теплый воздухъ, пропитанный смолистымъ запахомъ соснового лѣса.

Акинфъ спустился съ крыльца, ведущаго изъ кухни и, держа на рукахъ заснувшую Аксинью, осторожно пробирался къ калиткѣ арестантскаго двора.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Никакъ вы, Акинфъ Петровичъ, семьею обзавелись? раздался голосъ изъ группы солдатокъ. . . .

— Обзавелся? Еще спрашиваетъ! Сама-же принесла. Вѣдь мы же съ тобой не безъ дѣла, кажется, третій годъ вмѣстѣ живемъ. Скоро еще принести должна. Только ты, смотри, сына роди, дочерей больше не нужно!

— Ахъ! ты, лѣшій! Чтобъ-тя язвило!

— То то, лѣшій; ты знай, помалкивай. Сегодня мужъ дома, негодится громко кричать; завтра онъ въ командировку уйдетъ, тогда другое дѣло.

— Холера тебя задави!

— Ничего, не задавитъ. На твой вѣкъ хватитъ.

Среди солдатокъ раздался дружный хохотъ, не умолкавшій и тогда, когда Акинфъ скрылся за калиткой.

— Чудесный человѣкъ Акинфъ Петровичъ, замѣтила жена унтеръ-офицера, Мокроносиха.

— Добрѣющая душа, подтвердилъ другой женскій голосъ . . . . .

Раздалось еще два, три возгласа въ похвалу Акинфа; затѣмъ оживленный разговоръ между солдатками началъ постепенно стихать; зѣвнула одна,—за нею зѣвнула другая, третья; кто то проговорилъ: „Пора на спокой, завтра нужно рано подыматься, „своихъ“ чаемъ поить да въ партію снаряжать“. Разбрелись солдатки. . . . .

Черезъ нѣсколько времени все стихло кругомъ. Не слышалось даже обычныхъ, мѣрныхъ шаговъ часоваго. Вѣроятно и его плѣнила эта тишина; надо полагать, что онъ оперся на ружье и, заглядѣвшись на желѣзныя рѣшетки въ окнахъ арестантскихъ камеръ, задумался. Присѣвши на крылечкѣ, я тоже задумался. . . . .

Грустныя мысли, совершенно не соотвѣтствующія той мирной обстановкѣ, которая царила кругомъ меня, невольно ползли въ голову и не давали покоя. Естественно, что прежде всего эти мысли обратились къ впечатлѣніямъ только что пережитаго дня. Отдѣльные, мелочные факты, которые пришлось наблюсти въ это время, среди арестантскихъ дѣтей, выпущенныхъ на свободу изъ тѣсной, душной камеры, группировались съ безпощадною послѣдовательностью въ одну цѣльную картину нравственнаго уровня этихъ „безъ вины виноватыхъ“ существъ. И такая, поистинѣ, мрачная картина развертывалась передъ глазами. Въ ней нельзя было отыскать ни одной свѣтлой точки, не виднѣлось ни одного отраднаго пункта, на которомъ можно бы было отдохнуть взглядомъ и чувствомъ. Ложь и фальшь, порочные инстинкты и искаженныя понятія застилали все полотно картины. На лицахъ дѣтей виднѣвшихся на картинѣ, въ ихъ взглядахъ и движеніяхъ не было ничего дѣтскаго. Ихъ игры и забавы не походили на рѣзвыя шалости свободныхъ дѣтей—шалости, способныя подчасъ надоѣсть, но, тѣмъ не менѣе, такія, въ которыхъ не видишь ничего аномальнаго для дѣтскаго возраста. Лучше другихъ казался бѣлобрысый чухонскій мальчишка, безсмысленно глядящій на все окружающее. Природная глупость спасла мальчика отъ нравственной порчи; его еще не отравила арестантская среда; но надолго ли и онъ останется не тронутымъ?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Всѣхъ остальныхъ дѣтей не пощадила эта среда и, быть можетъ, совершенно неумышленно, безъ участія злой воли, подготовила въ нихъ почву для будущихъ преступленій и бродяжества: чего, въ самомъ дѣлѣ, лучшаго можно ожидать отъ человѣка, который въ пеленкахъ, вмѣсто колыбельной пѣсни, слышалъ „милосердную“; ставши на ноги, послѣ словъ „тятя“ и „мама“, началъ лепетать слова „варнакъ“ и „жиганъ“, вмѣсто побрякушки забавлялся кандалами, перебирая рученками желѣзныя, звѣнящія кольца ихъ въ то время, когда какой—нибудь дяденька, Иванъ Непомнящій родства, бралъ его къ себѣ на колѣни и качалъ, припѣвая: „Острогъ—кровъ родимый; этапъ—другъ нашъ милый; могила намъ всѣмъ въ рудникахъ“! Чего ждать отъ человѣка, котораго въ десятилѣтнемъ возрастѣ старшіе называютъ молодцомъ за то, что онъ съумѣлъ незамѣтнымъ образомъ обокрасть подслѣповатую торговку, или ловко смошенничать; который, вмѣсто разумнаго слова, вмѣсто волшебной сказки объ „неписанной царевнѣ“ слышалъ отъ этихъ старшихъ восторженныя описанія кровавыхъ подвиговъ Кутепова, Ланцова, Блохи, Паклина или какого—нибудь другого героя арестантскихъ „Иліадъ“, при чемъ эти герои восхваляются за то, что умѣли искусно рѣзать и убивать людей, грабить, воровать, а затѣмъ убѣгать изъ мѣстъ заключенія чуть—чуть не черезъ замочныя скважины? Безъ злой воли, неумышленно воспитываютъ, такимъ образомъ, старые арестанты своихъ питальцевъ и дѣтей; нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ человѣкъ не захочетъ сознательно вкоренять въ ребенка пороки и охоту къ совершенію преступленій. Убійца, который способенъ, не задумавшись, зарѣзать грудного ребенка, въ рѣдкомъ случаѣ рѣшится систематически развращать его, подготовлять въ немъ пищу для каторги. Арестанты сами не хотятъ видѣть своихъ дѣтей порочными; они наказываютъ очень строго, подчасъ даже жестоко, за тѣ проступки, которые дѣти совершаютъ, копируя старшихъ; объ умышленномъ развращеніи дѣтей не можетъ быть и рѣчи. Но арестанты безсильны измѣнить ту обстановку, которая окружаетъ дѣтей въ тюрьмѣ и ссылкѣ; они не въ состояніи сдѣлать своихъ дѣтей слѣпыми и глухими, недоступными къ воспринятію яда нравственной порчи, которымъ заражена вся арестантская среда; наказанія оказываются совершенно недѣйствительными. Каково бы ни было наказаніе, оно не можетъ быть постояннымъ: оно вызываетъ временное ощущеніе боли, при благопріятныхъ условіяхъ, временное раскаяніе и желаніе исправиться; но при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены дѣти арестантовъ, оно способно только озлобить ребенка или поставить его въ совершенное неудомѣніе. Бьютъ за то, чему сами-же научили, за что сами называли „молодцомъ“,—странно! . . . .

Уймется боль, высохнутъ слезы, заживутъ рубцы отъ розогъ, синяки отъ затрещинъ,—забудется и наказаніе. Нравственныхъ примѣровъ почерпнуть неоткуда, а безнравственныхъ, безобразныхъ,—вволю, только замѣчать успѣвай. Разрушительный ядъ этихъ примѣровъ поражаетъ постоянно, безъ всякихъ перерывовъ; очевидно, въ концѣ концовъ, онъ долженъ восторжествовать надъ временнымъ дѣйствіемъ наказанія. Въ фактѣ существованія наказаній и въ той формѣ, въ которой

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

они приводятся въ исполненіе, очень ясно проглядываетъ стремленіе арестантской среды не допустить своихъ дѣтей до погибели. ,,Авось, молъ, мальчишка послѣ розогъ исправится; авось не сдѣлается такимъ-же, каковы мы! Поучитъ его староста, глава и патріархъ всей партіи, поучитъ сколько нужно, не станетъ бить по напрасну—наука, можетъ быть, и въ впрокъ пойдетъ". Къ несчастію это все только ,,можетъ быть" и ,,авось" будетъ! Приходится, стало быть, гадать и предоставлять большинство шансовъ въ дѣлѣ исправленія ребенка на долю случайностей. При такихъ условіяхъ ничего хорошаго ожидать нельзя. Времена чудесъ и вѣрованій въ сверхъестественное прошли безвозвратно. Все на свѣтѣ идетъ нормальнымъ путемъ и потому нельзя ждать сбора пшеницы тамъ, гдѣ посѣяна сорная трава, хотя-бы эту траву, отъ времени до времени, и поливали мутной водой. Какой нибудь Васька, который ежеминутно видитъ кругомъ себя обманъ и мошенничество, котораго девять разъ за удачное мошенничество называютъ ,,молодцомъ", а въ десятый разъ за тоже самое сѣкутъ, не можетъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Общество, спокойно смотрящее на то, какъ изъ его среды вырываютъ тысячи неиспорченныхъ натуръ и, проведя эти натуры по всѣмъ ступенямъ порока, подточивъ въ нихъ все хорошее и цѣльное, предоставляютъ имъ устраивать дальнѣйшую жизнь по собственному усмотрѣнію, не должно приходить въ ужасъ, если эти натуры превращаются со временемъ въ разбойниковъ большой дороги.

Oh! c'est affreux! Si jeune et si corrompu!.... C'est quelque chose d' exstraordinaire, d' impossible! c' est une exception!" говоритъ какая—нибудь губернская барыня—филантропка, прослышавъ отъ директора тюремнаго комитета про пятнадцатилѣтнюю Дашку, на которую смотритель острога указываетъ, какъ на тюремную Мессалину. И не подозрѣваетъ почтенная барыня, приходящая въ ужасъ, что это и весьма ,,ordinaire" и весьма ,,possible"; не подозрѣваютъ она, въ простотѣ своей, что Дашка совсѣмъ не ,,exception", что не могла она остаться ,,vierge" и ,,innocente", слушая съ десятилѣтняго возраста отъ разныхъ бродяжекъ женскаго—пола одну и туже пѣсню: ,,Раздолье, дѣвка, пока молода; только и погуляешь! Всякъ тебя уважаетъ, отбою отъ мужчинъ нѣтъ. . . . . Иной радъ, не ѣмши, три дня сидѣть и кормовыя тебѣ послѣднія отдать, чтобы ты только его до себя допустила!..... Вотъ я третій разъ по этапу слѣдую и никогда обиды не видала, всегда довольна оставалась. Какъ посчастливится въ богатую партію попасть, такъ всѣмъ тебя ублаготворятъ; одинъ пуще другаго старается тебѣ всякое удовольствіе сдѣлать; деньжищъ страсть насобираешь; ровно сыръ въ маслѣ катаешься"!....

Варьируется эта пѣсня на разные лады, подчасъ дѣло разсказывается на чистоту, безъ всякихъ недомолвокъ; а Дашка растетъ и продолжаетъ слушать. Наконецъ она начинаетъ даже видѣть, въ чемъ дѣло, потому что не видѣть того, что совершается открыто, нельзя, въ особенности, если вслѣдствіе дѣтскаго любопытства, является непреодолимое желаніе ,,увидѣть". Годъ, другой, третій ,,слышитъ" и ,,видитъ" Дашка; съ теченіемъ времени страсти, преждевременно

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

возбужденныя постоянными приставаніями Ивановъ Бродягъ и лицезрѣніемъ нескрываемыхъ картинъ цинизма и разврата, начинаютъ шевелиться. Ихъ подогрѣваетъ желаніе „кататься, какъ сыръ въ маслѣ“. Поддержать дѣвочку въ этомъ случаѣ некому; напротивъ того Петръ за полученную отъ Ивана Бродяги пару папиросъ вызываетъ Дашку на свиданіе съ Иваномъ, опытныя товарки — бродяжки, всегда готовыя помочь Ивану, устраиваютъ дальнѣйшій ходъ дѣла и Дашка съ тринадцати лѣтъ превращается въ проститутку. Мать колотитъ Дашку, Иванъ надѣляетъ ее деньгами, отдастъ ей послѣднія кормовыя. Деньги получаются чаще, нежели колотушки или даже внушенія старосты,—очевидно, что Дашка отдаетъ имъ предпочтеніе. Наконецъ матери, видящей что никакія колотушки не дѣйствуютъ и что исправить дѣла нельзя, остается махнуть рукой и предоставить все на волю божію. „Авось“, молъ, дѣвка исправится; но этому исправленію въ арестантской камерѣ нѣтъ мѣста. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Такъ и тутъ идетъ дѣло. Вмѣсто одного Ивана является ихъ цѣлый десятокъ; наконецъ Дашка отдается каждому, кто заплатитъ деньги и въ пятнадцать лѣтъ она дѣйствительно превращается въ тюремную Мессалину. Удивляться этому нечего. Случилось только то, что должно было случиться и было бы ненормально, если-бы ядъ, который долго всасывала въ себя Дашка, сдѣлалъ ее неуязвимой. Если-бы общество дало средства для того, чтобы не допустить, выхваченныя изъ его среды, цѣльныя натуры до нравственнаго разложенія и погибели, тогда оно имѣло бы право ужасаться тому, какъ это толстунъ Костя, воспитанный въ самомъ благонамѣренномъ духѣ, попалъ и послѣ этого въ каторгу? Тогда, дѣйствительно, можно было бы сказать: „это исключеніе, это выродокъ; мы не виноваты въ этомъ явленіи; оно насъ удивляетъ“. Но до тѣхъ поръ пока эти средства не даны, пока филантропы ограничиваютъ свою дѣятельность по отношенію къ арестантскимъ дѣтямъ громкими фразами, вычурно написанными, проэктами объ „учрежденіи“, „созданіи“ и т. д. и наконецъ присылкою въ годовые праздники десятка коробокъ конфектъ для напитанія ими арестантскихъ дѣтей, содержащихся въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ бродягами, никто не имѣетъ права ни удивляться, ни ужасаться. Вѣдь никого не удивитъ, если ребенокъ, оставленный втеченіи недѣли безъ всякой пищи, умретъ съ голоду; такъ что же удивительнаго въ томъ, что тотъ-же ребенокъ, питаемый постоянно развратомъ и только—однимъ развратомъ, дѣлается развратнымъ? что лишенный свѣта, лишенный воздуха, лишенный самыхъ необходимыхъ жизненныхъ удобствъ, терпящій, взамѣнъ всего этого, всевозможныя невзгоды, онъ преждевременно умираетъ? Если даже ему удастся преодолѣть всѣ ужасы, встрѣчающіеся на длинномъ пути до рудниковъ, то онъ создастъ въ своемъ дѣтскомъ воображеніи особый фаталистическій культъ, вѣритъ, что предопредѣленіемъ свыше ему назначено быть преступникомъ, бродягой. И это повторяется ежегодно, втеченіи многихъ лѣтъ; отъ этого гибнутъ тысячи людей. А общество, въ борьбѣ противъ этого, ограничивается одними полумѣрами и коробками конфектъ. Даже объ животныхъ заботятся гораздо больше. „Общество покровительства животныхъ“

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

принимаетъ самыя энергическія мѣры для защиты щенковъ, жеребятъ и телятъ; различныя „общества охотниковъ“ заботятся объ устраненіи неправильнаго и чрезмѣрнаго истребленія дичи. По отношенію же къ арестантскимъ дѣтямъ не видно ничего подобнаго. Право вразумлять ихъ и наставлять на путь истины предоставляется партіоннымъ старостамъ и Иванамъ Бродягамъ. Общество какъ будто чувствуетъ свое безсиліе въ этомъ отношеніи, оно не хочетъ энергическими мѣрами прійти на помощь тысячамъ себѣ подобныхъ—живыхъ, мыслящихъ существъ; оно отдѣлывается коробками съ конфектами. Вотъ отъ этого можно дѣйствительно прійти въ ужасъ и, во всякомъ случаѣ, тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. . . .

Потокъ моихъ размышленій былъ прерванъ стукомъ шаговъ, раздавшимся на казарменномъ дворѣ.

— Часоваго идутъ смѣнять? окликнулъ я.

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Которая смѣна?

— Третья, ваше благородіе.

Оказывалось, что незамѣтнымъ образомъ, я просидѣлъ на крыльцѣ до часу ночи. Дѣйствительно, взглянувъ на востокъ, я увидѣлъ свѣтленькую, чуть чуть замѣтную узенькую ленточку, окаймлявшую край горизонта. Прохладный вѣтерокъ небрежно пробѣжалъ со стороны этой ленточки и на мгновеніе пошевелилъ уснувшія верхушки деревъ, подъ навѣсомъ запѣлъ пѣтухъ; на крыльцѣ, гдѣ спали женатые солдаты, кто-то привсталъ, посмотрѣлъ по направленію навѣса, несвязно пробормоталъ нѣсколько словъ и снова прильнулъ головой къ подушкѣ. Огонь, зажженный въ фонарѣ около часоваго, потухъ; полоска на востокѣ съ каждымъ мгновеніемъ обозначалась яснѣй, короткая лѣтняя ночь кончалась,—наступалъ разсвѣтъ. Я ушелъ въ комнату и скоро заснулъ.... И снился мнѣ другой разсвѣтъ, постепенно возраждающій къ новой жизни цѣлые тысячи забытыхъ существъ. Этотъ разсвѣтъ несъ съ собою много хорошаго, отраднаго. Рядомъ съ тюрьмами виднѣлись пріюты, гдѣ работали и учились мои новые знакомцы, „безъ вины виноватые“ дѣти. Близь Карійскихъ рудниковъ высилась школа и мастерская; острожный священникъ, окончивъ богослуженіе въ храмѣ, степенными шагами направлялся къ этой школѣ, чтобы разсказать ребятишкамъ не легенды объ томъ, какъ Блоха собственноручно зарѣзалъ десять человѣкъ, а нѣчто болѣе интересное и болѣе поучительное.

Я видѣлъ моихъ маленькихъ знакомцевъ честными тружениками, приносящими пользу странѣ и тому обществу, которое не допустило ихъ до нравственной погибели и, вытащивъ изъ вертеповъ разврата, возродило къ новой жизни. Хорошая почва, разумно обработанная, осѣмененная здоровыми сѣменами, дала прекрасные всходы и обильный урожай. Никто не въ убыткѣ отъ этого. Обществу и странѣ нужна еще масса здоровыхъ силъ и честныхъ рабочихъ; это общество наполнялось до сихъ поръ только порочными элементами; необходимо обновленіе, какъ переходный шагъ къ полному перерожденію. Мои знакомцы не въ убыткѣ, потому что страна, взростившая ихъ, богата и даетъ всѣ средства къ безбѣдному существованію тѣхъ, кто не сидитъ сложа

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

руки. И много, много еще хорошихъ вещей я видѣлъ во снѣ; такъ много, что отъ избытка удовольствія при видѣ ихъ я громко, радостно вскрикнулъ и отъ этого крика проснулся. Такъ это былъ только сонъ! Да! только сонъ, потому что появленію на яву всего, видѣннаго мною, мѣшаютъ и горы высокія и рѣки глубокія и широкія, отдѣляющія Сибирь отъ цивилизованнаго міра и взгляды узкіе людей, не желающихъ попристальнѣе заглянуть въ далекій, холодный край, который бы слѣдовало давно отогрѣть, давно направить по лучшему пути развитія. . . .

Со дня, памятной мнѣ, прогулки въ лѣсъ прошло года три. Въ эти три года каждое близкое столкновеніе съ арестантскими дѣтьми заставляло меня сильнѣе убѣждаться въ томъ, что среди нихъ нѣтъ ни здоровыхъ натуръ, ни правильнаго біенія жизненнаго пульса. Мои наблюденія привели меня къ тому заключенію, что въ средѣ взрослыхъ арестантовъ существуетъ гораздо болѣе задатковъ на возможность поворота къ честной жизни, нежели сколько ихъ существуетъ въ средѣ арестантскихъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ,—арестантъ не родился прямо „каторжнымъ“, онъ жилъ на свободѣ, онъ видѣлъ ея хорошія стороны, ему есть чѣмъ вспомнить молодость; а иногда и одного хорошаго воспоминанія довольно для того, чтобы заставить самаго закоренѣлаго преступника трезво взглянуть на жизнь и направиться по честному пути. У арестантскихъ дѣтей или вовсе не существуетъ никакихъ свѣтлыхъ воспоминаній, или они такъ смутны и неопредѣленны, на столько заглушены воспоминаніями, вынесенными изъ тюрьмы, что руководствоваться ими въ дальнѣйшей жизни не придется. Руководствоваться-же чѣмъ—нибудь, въ этомъ случаѣ, необходимо,—большинство людей, даже помимо желанія, устраиваютъ свою жизнь по чьему нибудь образу и подобію. Естественно, что арестантскій ребенокъ, ставшій на собственныя ноги, не видѣвшій и не помнящій ничего хорошаго и свѣтлаго, приметъ къ руководству тѣ правила, которые внушены ему въ тюрьмѣ; а съ этими правилами понятіе о честной жизни несовмѣстимо. И чѣмъ глубже вкоренялось во мнѣ это убѣжденіе, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ я глядѣлъ на неповинныхъ мучениковъ. Въ три года болѣе трехъ тысячъ этихъ мучениковъ прошли черезъ мои руки. Въ этой массѣ виднѣлись все тѣже знакомые образы Петра, Васи, Кости, Маши и Аксютки; образы, отличающіеся другъ отъ друга только именами, данными имъ при крещеніи; а затѣмъ, во всѣмъ остальномъ, совершенно схожіе между собой.

Три года!.... Вѣдь это время и даже большое время, вособенности въ нашъ вѣкъ, когда потокъ общественной жизни несется неудержимо и завтра нельзя будетъ узнать того, что мы видѣли вчера.

Дозволено цензурою 13 февраля 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й. Редакторъ Н. Тюменцевъ.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Много воды утечетъ въ три года, много совершится перемѣнъ; передъ глазами проскользнетъ много новыхъ образовъ и свѣжихъ явленій. Да, это все такъ; но только не по отношенію къ Развою и его окрестностямъ, не по отношенію къ этапной жизни. Въ этомъ уголкѣ земли русской и въ этой жизни три года проходятъ также незамѣтно, какъ одинъ день; они не приносятъ съ собой ничего новаго, оставляютъ все на прежнихъ основаніяхъ. Все тотъ-же сумрачно глядящій этапъ, передъ нимъ постоянно день и ночь шагаетъ часовой, напоминающій собою „вѣчнаго жида“, обязаннаго двигаться.... двигаться безконечно, безпрерывно; кругомъ тайга, которая, простоявъ на мѣстѣ сотни лѣтъ, перестала старѣться и надолго застыла въ угрюмомъ безмолвіи. Все таже дорога отъ Развоя до Ламая и отъ Ламая до мѣстопребыванія моего этапнаго сосѣда и камрада капитана Аникина „воспитывавшагося въ морскомъ корпусѣ“, дорога мерзкая, скверная, ухабистая.... Вотъ и верстовой столбъ на двѣнадцатой верстѣ, тотъ столбъ, около котораго арестантскія партіи дѣлаютъ привалъ. Какъ три года тому назадъ валялся этотъ столбъ на землѣ, подточенный гнилью, такъ и до сихъ поръ лежитъ,—никто объ немъ не позаботился.

Знакомое бряцанье кандаловъ, тоску нагоняющая, „милосердная“, Иваны Непомнящіе, которые, благодаря одинаковому арестантскому наряду и одинаково изнуреннымъ лицамъ, все тѣже, какіе были три года тому назадъ, вѣчный стонъ, постоянное сѣтованіе на судьбу,—все осталось по старому, ничто не перемѣнилось.

По прежнему ежегодно пріѣзжаетъ толстый архитекторъ „изъ нѣмцевъ“, составляетъ актъ о необходимыхъ починкахъ, поправкахъ и передѣлкахъ и, разсказавъ два, три „скоромные“ анекдота, уѣзжаетъ дальше, „поручившись головой“, что всѣ исправленія, указанныя въ актѣ, будутъ непремѣнно сдѣланы. По прежнему и голова архитектора остается на плечахъ и этапъ остается безъ исправленія. Арестанты зябнутъ, какъ зябли три года тому назадъ и бѣленькій, маленькій инженеръ, навѣщающій этапы каждую зиму, чтобы съ термометромъ въ рукахъ провѣрить температуру арестантскихъ камеръ, по прежнему удивляется, отчего это ртуть въ термометрѣ никакъ не можетъ показать больше 5° тепла. И начальство все тоже. Аккуратно пріѣзжаетъ, смотритъ, „разноситъ“, и уѣзжаетъ. Прибавилось только его. Вмѣсто одного стало два начальника. Одинъ „разноситъ“ спеціально за состояніе команды и между прочимъ за порядокъ среди арестантовъ; другой на оборотъ „разноситъ“ за арестантовъ и замѣчаетъ „по пути“ относительно порядка въ командѣ. Акинфъ все такой-же резонеръ, какимъ былъ прежде; вмѣсто солдатъ, ушедшихъ домой, въ запасъ арміи, поступили въ команду другіе, но и отъ нихъ по прежнему услышишь только „здравія желаю“, „слушаю“ и „точно такъ“; Лаврентьичъ, оставшійся на вторичной службѣ, все еще не постигъ премудростей канцелярскаго дѣла.... словомъ, ничто не сдѣлалось лучше или хуже, ничто не измѣнило своей физіономіи.

Правда, въ Ламаѣ, вмѣсто засѣдателя Ивана Карповича, водворился засѣдатель Иванъ Ивановичъ; но и этого нельзя назвать перемѣной, потому что оба Ивана удивительно похожи другъ на друга.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

И тотъ, и другой принадлежатъ къ породѣ не брезгающихъ даяніемъ, немилосердно гоняютъ обывательскихъ лошадей, состоятъ членами „общества покровительства животныхъ“, курятъ сигары „Кухчинскаго“, любятъ „переметнуться“.... Все, рѣшительно все по старому. Вотъ и арестантовъ „гонятъ“ все по старому „маршуту“, какъ говоритъ Лаврентьичъ; по этому „маршуту“ я во вторникъ утромъ уѣзжаю отъ капитана Аникина и непремѣнно стараюсь за свѣтло попасть къ себѣ въ Развой.

Въ одинъ изъ такихъ „маршутныхъ“ вторниковъ я долѣе обыкновеннаго засидѣлся у смотрителя ламайской почтовой станціи. Лошади отдыхали и кормились; я поджидалъ московскую почту, которая должна была прійти въ Ламай передъ вечеромъ. Это было какъ разъ въ то время, когда за Дунаемъ разыгрывалась Плевненская трагедія; всѣ газеты были переполнены описаніями подвиговъ нашихъ войскъ,— стоило подождать нѣсколько часовъ, чтобы узнать „самыя свѣжія“ новости, которыя привезетъ почта т. е. узнать то, что было извѣстно всей европейской Россіи за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Почта, вѣроятно, гдѣ нибудь застряла, потому что давно уже прошло то время, когда она должна была „по росписанію“ прійти въ Ламай; а между тѣмъ, ея не было. Въ ожиданіи почты, къ смотрителю собрались всѣ ламайскіе аристократы. Сначала толковали о политикѣ, о подвигахъ Скобелева, объ интригахъ всѣхъ англичанъ вообще и Лейарда въ особенности; затѣмъ засѣли играть въ стуколку. Къ полночи я успѣлъ простукать тридцать рублей, отказался отъ мысли дождаться свѣжихъ новостей и, раздосадованный и проигрышемъ, и безполезной потерей времени, уѣхалъ въ Развой.

На десятой верстѣ отъ Ламая изъ тучъ, давно уже грозно поглядывавшихъ на землю, полился дождь, хотя и очень теплый,—но тѣмъ не менѣе весьма непріятный. Онъ свободно проникалъ къ мою повозку, забирался за галстукъ и воротникъ рубахи, и какъ-бы нашептывалъ: „не засиживайся въ гостяхъ до полночи, не играй, не проигрывай.... вотъ я тебя за наказаніе хорошенько проберу. Съ каждой минутой онъ усиливался, повозка полна была водой, я промокъ до костей и проклиналъ все и вся, разумѣется, кромѣ самого себя.

— А, вѣдь, дождикъ-то поправитъ овсы, в. б—діе обратился ко мнѣ мой возница, командный конюхъ. „Сразу наливаться начнутъ. Вы, намеднись, изволили говорить, что мы напрасно только сѣяли овесъ для команды, что все солнцемъ выжжетъ.... послѣ этакого дождя сразу поправится дѣло, отличный урожай будетъ“.

— Пошелъ скорѣй!

— Вотъ и почта на встрѣчу бѣжитъ! Эгэ! да какая большая,— шесть повозокъ. Оттого, видно, и запоздала, лошадей въ Развоѣ не хватило, невозмутимо продолжалъ возница. Немножко-бы намъ еще пообождать.

— Говорятъ тебѣ, пошелъ! Погоняй! Нашелъ мѣсто разговаривать...

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Возница замахалъ кнутомъ и задергалъ возжами; кони побѣжали немного скорѣй; я забился подъ кожаный фартукъ, который, впрочемъ, очень мало способенъ былъ защитить меня отъ дождя, лившаго какъ изъ ведра.

— Мы, кажется, никогда не доѣдемъ. Ты заснулъ на козлахъ.

— Никакъ нѣтъ; двѣнадцать только верстъ осталось. Часа черезъ полтора безпремѣнно доѣдемъ. Шибко гнать нельзя, грязь на колеса налипла; конямъ ходу нѣтъ.

— Ну! разговаривай, разговаривай больше!

— Я только на счетъ грязи. . . . .

— Молчи, пожалуйста, уродина!

Въ это самое время, какъ-бы въ наказаніе за мои несправедливыя нападки на ни въ чемъ неповиннаго возницу, раздался трескъ, повозку перевернуло на бокъ и лошади, пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, остановились.

— Что это такое?

— Колесо свалилось, совершенно флегматически отвѣтилъ конюхъ.

— Чекушка, видно, выпала.

Этого только недоставало ко всѣмъ невзгодамъ, перенесеннымъ вслѣдствіе непреодолимаго желанія узнать днемъ раньше о томъ, сколько человѣкъ и при какихъ обстоятельствахъ „легли костьми“ при штурмѣ Плевны. Этакая гадость! Сотни разъ проѣзжалъ отъ Ламая въ Развой, каждую недѣлю приходилось совершать этотъ переѣздъ, случалось, что и дождь мочилъ, и мятель застигала по срединѣ дороги, и колесо даже сваливалось; но ни разу всѣ эти невзгоды не преслѣдовали такъ систематически, какъ въ этотъ злосчастный вечеръ. И это все черезъ Плевну!.... Чтобъ ей пусто было вмѣстѣ съ Османомъ-пашей. Ну, спрашивается, какое отношеніе она можетъ имѣть къ конвойному начальнику, не занимающемуся ни штурмами, ни блокадами, заботящемуся только объ томъ, чтобы какой—нибудь Иванъ не далъ тягу, чтобы заклепки на кандалахъ этого Ивана были цѣлы и казенныя портянки не были промѣняны торговкѣ за пару калачей; а между тѣмъ, посмотрите, досадила таки! Изъ за нея, проклятой, проигравшійся и промокшій съ головы до ногъ конвойный начальникъ очутился въ глухую ночь, среди дикой тайги, въ грязи совершенно безпомощнымъ, беззащитнымъ. Просто, хоть волкомъ вой, потому что кричать „караулъ“ безполезно, все равно никто не услышитъ. Остается или дожидаться какого нибудь проѣзжающаго, или шлепать по грязи двѣнадцать верстъ до дому.

— Ну, о чемъ ты задумался, скажи пожалуйста? надѣвай колесо и ищи чекушку.

— Колесо не долго надѣть; а чекушку гдѣ въ этакую темень отыщешь, можетъ она давно выпала?

— Давно выпала!.... А ты чего смотрѣлъ? Уродъ!

— Экій грѣхъ! Какъ это случилось, такъ я и ума не приложу?

— Поворачивайся, ради Бога, скорѣй. Не ночевать-же намъ тутъ въ самомъ дѣлѣ!

— Удивительное дѣло!

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Солдатикъ принесъ колесо, общими силами мы приподняли повозку и надѣли колесо на ось. Оставалось розыскать чеку.

— Нѣтъ-ли тутъ въ повозкѣ гвоздя какого нибудь? Онъ-бы замѣсто чекушки пошелъ.

— Нѣту тутъ никакихъ гвоздей. Нужно розыскать старую чекушку.

Солдатикъ, зажигая одну спичку за другой, отправился по дорогѣ на поиски за чекой, я остался у повозки. Дождь лилъ по прежнему, темнота не разсѣявалась. Облокотившись на повозку, я совершенно машинально вглядывался въ темноту, и мнѣ показалось, что неподалеку отъ дороги, среди тайги, какъ будто-бы мелькаетъ огонекъ. Вглядываюсь пристальнѣе.... да, точно, дѣйствительно, огонекъ.... Что-бы это значило, не ошибаюсь-ли я?

— Акишевъ, посмотри вотъ въ ту сторону.... Есть тамъ огонь или нѣтъ?

— Точно такъ. Костеръ кто—нибудь разложилъ. Бродяги, видно, какія—нибудь. Ихъ въ эту пору много шатается. На родину все пробираются, не то „за свѣжими кормовыми“.

— Такъ ты постой около лошадей; а я пойду на огонекъ. Можетъ быть тамъ найдется кто—нибудь. Бѣдѣ нашей поможетъ.

Кромѣ того, мнѣ хотѣлось обогрѣться и хоть немного обсохнуть. Захвативъ съ собой револьверъ, я, сквозь лѣсную чащу, сталъ пробираться по направленію виднѣвшагося огня. Не доходя до него шаговъ пятидесяти, я могъ различить костеръ, около котораго копошилось нѣсколько фигуръ. Заслышавъ, вѣроятно, шумъ, отъ хрустѣвшаго подъ моими ногами валежнику, одна изъ фигуръ приподнялась съ земли и начала вглядываться въ темноту.

— Идетъ кто-то, братцы!

— И вѣрно, кто-то идетъ. Я самъ слушаю—что-то хруститъ. Не медвѣдь-ли?

— Человѣкъ, ребята, идетъ! отозвался я, желая поскорѣй вывести изъ недоумѣнія таинственныхъ незнакомцевъ. Проѣзжій человѣкъ. Огонь завидѣлъ и обогрѣться къ вамъ пошелъ.

Мои слова заставили всѣхъ сидѣвшихъ у костра встать; вмѣсто одной фигуры сквозь лѣсную чащу можно было разглядѣть цѣлыхъ три.

— Что за человѣкъ? робко и недовѣрчиво спросилъ чей-то голосъ.

Я въ это время успѣлъ выйти на небольшую полянку, посреди которой былъ разложенъ костеръ.

— Свой человѣкъ, знакомый! отвѣтилъ я.

— И точно, знакомый. Это, братцы, развойскій баринъ.

— Онъ самый и есть, подтвердилъ другой голосъ, когда я совершенно вплотную подошелъ къ костру.

— Ага! за свѣжими кормовыми пробираетесь? Здравствуйте.

— Точно такъ, в. б—діе. Здравія желаемъ!

— А меня, баринъ, поди не признаете?

Вглядываюсь. Что-то знакомое; но гдѣ-же возможно припомнить каждаго прошедшаго черезъ мои руки бродягу, когда ежегодно ихъ проходятъ тысячи.

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Не узнаю, братецъ! Проходилъ-ты у меня, это вѣрно; но кто ты такой, не знаю!

— А Петръ! что у васъ папиросы укралъ!

— Петръ? Такъ это ты?

— Какъ есть, я самый. Я васъ сейчасъ-же по голосу призналъ.

— Зачѣмъ-же ты здѣсь?

— Бродяжить пошелъ. Охота на родину пробраться. А вы какъ сюда попали?

Я разсказалъ о случившемся со мной несчастіи. Оказалось, что у бродягъ, какъ людей дорожныхъ и запасливыхъ, есть чѣмъ помочь моему горю. У одного изъ спутниковъ Петра нашлось нѣсколько желѣзныхъ отмычекъ, предназначенныхъ, конечно, не для того, чтобы служить чекушками. Всѣхъ бродягъ, пріютившихся у костра, было четверо. Кромѣ Петра, тутъ былъ Иванъ, вѣрный другъ и старый наставникъ молодого бродяжки и еще два другіе бродяги, бѣжавшіе изъ каторжной работы. Эта компанія нимало не казалась мнѣ страшной. Въ Сибири гораздо опаснѣе встрѣтить въ глухомъ мѣстѣ человѣка свободнаго, не лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, не изгнаннаго изъ общества, нежели бродягу, заклейменнаго судомъ, опозореннаго, навсегда отрѣзаннаго отъ свободныхъ людей. Не трогайте только бродягу и онъ васъ ни за что не тронетъ. Онъ побоится совершить надъ вами какое—нибудь насиліе, чтобы не надѣлать шуму, не навести на свой слѣдъ; ему хочется подольше погулять на свободѣ. Бродяга на свободѣ—совершенно безвредное существо. Онъ питается тѣмъ, что ему подадутъ; ничего не украдетъ, чтобы своимъ воровствомъ не напакостить сотнямъ другихъ бродягъ, которые пробираются вслѣдъ за нимъ; никого не обидитъ, не желая навлечь на себя гнѣва и неизбѣжнаго затѣмъ доноса. Всѣ сибиряки и всѣ тѣ, кому приходилось встрѣчаться съ бродягами, знаютъ это. Между населеніемъ большаго сибирскаго тракта и вѣчно двигающимися бродягами установился вслѣдствіе этого никѣмъ не подписанный и не скрѣпленный договоръ взаимныхъ отношеній,—договоръ этотъ исполняется свято; нарушать его невыгодно ни той, ни другой сторонѣ. „Не доносите на насъ, не выдавайте насъ начальству, которое за каждаго бродягу платитъ три рубля, не давайте намъ умирать съ голоду“, поставляютъ своимъ условіемъ бродяги, „и мы васъ не тронемъ“. „Не трогайте насъ, не обкрадывайте, не поджигайте нашихъ избушекъ и не обижайте нашихъ дѣтей, которые остаются въ деревнѣ, когда мы уходимъ работать въ поле,—получите за это и свободный пропускъ, и кусокъ хлѣба, и даже, въ случаѣ необходимости, уголъ для отдыха“, отвѣчаютъ жители придорожныхъ селъ и деревень. Такой порядокъ завелся давно; честное исполненіе устнаго договора, втеченіи многихъ десятковъ лѣтъ, упрочило существованіе такого порядка и потому бродяжки ежегодно бредутъ сотнями изъ за Байкала, почти не скрываясь отъ людей по всей дорогѣ восточной и западной Сибири. Сибирь бродячая и Сибирь осѣдлая живутъ между собой мирно, и такъ какъ начальство, которому извѣстны эти взаимныя отношенія двухъ половинъ народонаселенія Сибири, въ видахъ собственнаго-же спокойствія, смотритъ на это дѣло сквозь пальцы, то и я не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

видѣлъ ничего ужаснаго въ моей встрѣчѣ съ четырьмя старыми знакомыми. (Что компанія—то ихъ не больно казиста? Такъ что-же подѣлаешь!) Мнѣ же не привыкать! Вся моя жизнь на этапѣ, вся служба протекала среди бродягъ, я съ утра до вечера вращался среди и около ссыльныхъ, мнѣ постоянно приходилось быть въ ихъ компаніи.

— Пожалуйте поближе къ огоньку, в. б—діе! Вишь, какая ночка выдалась, просто ужасъ.

— Ну, друзья, вотъ что: пусть кто—нибудь изъ васъ сходитъ на дорогу и поможетъ моему солдату приладить чеку; а кромѣ того, велите-ка ему дать фляжку съ водкой и мѣшочекъ съ закуской. Принесите все это сюда; я-же покуда пообсохну у костра.

Два человѣка отправились исполнять мое порученіе, возлѣ меня остался Петръ и старикъ лѣтъ шестидесяти.

— Отчего тебѣ, Петръ, вздумалось бродяжить?

— Помните, чай, баринъ, я давно уже въ мысляхъ это дѣло держалъ. А какъ пожилъ на каторгѣ года два, такъ и совсѣмъ рѣшился, не втерпежъ стало.

— Дуракъ онъ, в. б—діе. Драть его за это дѣло нужно, вмѣшался въ разговоръ старикъ.

— Пустое дѣло совсѣмъ затѣялъ, все это Ивановы штуки.

— Чего пустое, дѣдушка? Хороша тамъ наша жизнь, что-ли? Со всѣмъ наровнѣ съ каторжными.

— Ты куда попалъ съ отцомъ?

— Въ Нерчинскій заводъ.

— Ну и что-же? отчего тебѣ тамъ не понравилось? Разскажи пожалуйста. Все разскажи. Отъ меня нечего скрывать; мы съ тобой старые знакомые.

— Да что разсказывать? Короткая пѣсня. Первое время, какъ мы прибыли на мѣсто, я такъ себѣ, безъ дѣла болтался, только напрасно хлѣбъ ѣлъ. Взяли меня потомъ въ услуженіе къ одному служащему при заводѣ, сталъ я у него лакейскую должность исправлять. Сначала ничего, какъ будто привыкъ, совсѣмъ было хотѣлъ дѣломъ заняться; а потомъ такая тоска одолѣла, что не приведи Господи. Руки-бы, кажется, на себя наложилъ! Къ этому еще случай нехорошій подвернулся. Пропали у моего хозяина деньги съ кошелькомъ. Я этому дѣлу совсѣмъ не причиненъ былъ, какъ тогда говорилъ, такъ и теперь скажу (теперь-то ужъ мнѣ скрывать не для чего), не виноватъ я въ этомъ дѣлѣ. Допрашивать меня стали, съ ножомъ къ горлу пристали „твое, говорятъ, дѣло,—больше взять некому, повинись, не то хуже будетъ“. Я, сколько могъ, отпирался, клялся, присягу готовъ былъ принять; меня-же и слушать не хотѣли. Разложили, всыпали съ полсотни розогъ и прогнали. Вотъ тутъ-то я и порѣшилъ бѣжать съ завода. Чего, думаю себѣ, тутъ дожидаться! Если безъ всякой вины жестоко наказали, такъ и впереди лучшаго ничего не предвидится. Ушелъ!... Да только меня въ скорости поймали и опять на заводъ привели; сталъ я опять баклуши бить, погуливать началъ. Деньжонокъ-то на гулянку неоткуда взять,—а погулять охота—ну и украдешь, что на глаза попадется. Поймаютъ—опять порка. Въ одну прошлую зиму меня разъ

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

десять пороли. Въ скорости послѣ того, какъ мы пришли въ заводъ, Дашка, сестра моя, сильно занемогла и слегла въ больницу. Маялась тамъ, сердечная, почти два года; нынѣшней-же весной и маяться перестала, Богу душу отдала. Пока она была жива, Иванъ не хотѣлъ уходить изъ каторги, все поджидалъ, не поправится-ли. А какъ умерла, такъ онъ тоже порѣшилъ уйти. Сговорились мы съ нимъ, выбрали подходящую ночку и побрели. По дорогѣ повстрѣчались вотъ съ дѣдушкой, да съ дядей Кондратомъ. Теперь и бредемъ всѣ вмѣстѣ. Вотъ и съ вами, баринъ, пришлось по пути свидѣться.

— Куда же ты идешь теперь? Вѣдь до родины тебѣ не удастся добраться. Погуляешь до зимы; а тамъ въ острогъ попадешь; тебя опять вернутъ на прежнее мѣсто.

— Что-жъ подѣлаешь? Все равно, одинъ конецъ. Попалъ въ Сибирь, такъ только и дѣла осталось, что бродить изъ каторги въ острогъ и изъ острога въ каторгу.

— Эхъ, Петръ! загубилъ ты себя совсѣмъ. Не пожалѣлъ ни своей жизни, не пожалѣлъ стариковъ своихъ. И дочь они похоронили, и ты ушелъ. Развѣ для этого они тебя ростили и кормили?

— Поздно вспоминать обо всемъ этомъ, баринъ. Теперь прежней жизни не вернешь.

— Совсѣмъ нѣтъ! Хочешь, поѣдемъ со мной? Я отправлю тебя по этапу къ родителямъ или выхлопочу тебѣ билетъ, и ты тогда можешь жить себѣ свободнымъ человѣкомъ. Работу тебѣ найдемъ... Ну, хочешь?

— Нѣтъ, баринъ, не хочу! рѣшительно отвѣтилъ Петръ. Мнѣ и такъ хорошо.

— Напрасно вы ему говорите все это, в. б—діе, замѣтилъ старикъ. Теперь ему кажется, что нѣтъ житья милѣе бродяжничества: потому—дѣйствительно—ничего не дѣлай и живи себѣ на свободѣ; а вотъ, когда одумается, тогда иное запоетъ; тогда и впрямь пожалѣетъ, да поздно будетъ. Теперь онъ это все изъ за глупости дѣлаетъ; а тогда поневолѣ бродяжить станетъ. Я самъ былъ такимъ, какъ онъ, самъ отъ отца ушелъ. Поймали меня, скрылъ я свое имя, прогулялся обратно по этапу, опять ушелъ бродяжить и опять влопался. Тутъ ужъ я и радъ былъ вывернуться — настоящее свое прозваніе сказалъ; павели, по моему показанію, справки, ничего не добились и снова погнали меня въ каторгу. Съ тѣхъ самыхъ поръ я гуляю все взадъ да впередъ. Больше дѣлать нечего. Восемнадцатый разъ иду... Тоже и съ тобой будетъ, мальчишка.

— А мнѣ все одно. Такъ-ли пропадать, иначе ли, все одинъ конецъ.

— Не знаешь ли ты, Петръ, что сталось съ Марьей? Помнишь—хохлуша, черная такая?

— Какъ не помнить! Вмѣстѣ въ Нерчинскій заводъ поступили. Сначала она во всѣ нелегкія пустилась. Гулящая такая стала, что другой въ заводѣ и не отыщешь. Прошлую-же зиму въ острогъ угодила, изъ завода ее въ городъ отправили.

— За что?

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

— Принесла ребенка и тутъ-же, какъ онъ родился, придушила его. За это самое теперь судиться будетъ. Въ заводѣ баяли, что ей каторги не миновать.... Славная была дѣвчонка!....

— Изладили все, какъ слѣдуетъ, въ настоящемъ видѣ. Теперь благополучно доѣдете! обратился ко мнѣ Иванъ, подошедшій къ костру вмѣстѣ съ дядей Кондратомъ.

— Спасибо. А водку и закуску припесли?

— Вотъ, извольте.

— Такъ выпивайте и закусывайте; а потомъ проводите меня на дорогу къ повозкѣ.

Мои собесѣдники принялись съ жадностью истреблять водку, булки и жареное мясо. Этой лукулловской для нихъ закуской бродяги были всецѣло обязаны моему Акинфу, который каждый разъ, когда я уѣзжалъ изъ Развоя съ партіей, укладывалъ въ повозку многое множество всякихъ съѣдобныхъ продуктовъ. Мнѣ самому ѣсть этихъ продуктовъ не приходилось. У капитана Аникина я всегда и безъ того былъ сытъ, въ Ламаѣ тоже по большей части приводилось или закусывать, или обѣдать у кого нибудь изъ знакомыхъ.

— Никакъ и свѣтать начинаетъ, замѣтилъ старикъ бродяга, покончивъ съ закуской.

Затѣмъ онъ всталъ, перекрестился по направленію къ востоку и поблагодарилъ меня за угощеніе. Тоже самое сдѣлали и его остальные товарищи.

— Вы когда-же съ ночлега тронетесь?

— А вотъ отдохнемъ маленько и съ солнышкомъ побредемъ дальше.

— Черезъ Развой пойдете?

— Нѣтъ, это намъ не по пути. У насъ своя дорога, своя „бродяжья тропа“. Мы отсюда прямо на Вольтеровку выйдемъ. Въ Развой незачѣмъ заходить, онъ въ сторонѣ останется.

Я надѣлилъ бродягъ папиросами и далъ имъ нѣсколько серебряныхъ мелкихъ денегъ; они провели меня на дорогу и оставались у повозки, пока я садился въ нее.

— Петръ, садись со мной! Все еще можно будетъ поправить.

— Нѣтъ, баринъ, не хочу. Вамъ только безпокойство отъ этого приключится; а мнѣ все равно пользы никакой не будетъ.

— Какъ знаешь! Вѣдь дѣдъ правду говоритъ, что пожалѣешь потомъ, да будетъ поздно.

Петръ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте, братцы! Опять, вѣрно, скоро придется увидѣться?

— Безъ этого ужъ никакъ не обойдется. Мы вашихъ палатъ съ рѣшетками не смѣемъ миновать. Счастливаго пути!..

— И вамъ дай Богъ счастья. Прощайте! Петръ, прощай!.. Трогай!

— Прощайте, баринъ, раздался за мною голосъ Петра и въ этомъ голосѣ ясно можно было различить тоскливую грустную нотку. . . .

—

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Вотъ и еще одинъ человѣкъ, потерянный для общества, уподобившійся дикому звѣрю и направившій свой путь не по большой дорогѣ, а по извилистой, узенькой бродяжьей тропѣ.

Много у насъ народу, что ли, на Руси, не хватаетъ для всѣхъ мѣста, съ голоду придется помирать, что ли, живя осѣдло? Нѣтъ, не то. . . И велика, и обильна наша земля; всѣмъ желающимъ найдется въ ней и пріютъ, и кусокъ хлѣба. Такъ ужъ не въ натурѣ ли русскаго человѣка лежитъ страсть къ бродяжеству? И это не вѣрно: исторія ясно говоритъ намъ, что среди всѣхъ народностей Европы постоянно существовало и существуетъ стремленіе къ прочному общежитію; среди славянъ такое стремленіе всегда проявлялось даже сильнѣй, нежели у другихъ народовъ. Мы любимъ нашъ муравейникъ и неохотно покидаемъ его. Бродяжество создавалось вѣками. Оно было слѣдствіемъ продолжительнаго монгольскаго, ига знакомства съ кочевыми номадами, населяющими окраины нашего отечества, слѣдствіемъ крѣпостничества, рекрутчины и т. д. Теперь, когда всѣ эти причины уже не существуютъ, оно является, какъ необходимое дополненіе несовершенства системы ссылки, какъ слѣдствіе распущенности, подчасъ—старой привычки; въ большинствѣ же случаевъ, оно происходитъ оттого, что общество не хочетъ обратить на него серьезнаго вниманія, не принимаетъ никакихъ мѣръ, дѣйствительно способныхъ искоренить бродяжество. Такія мѣры по отношенію къ преступникамъ общество и не можетъ принять,—онѣ всецѣло должны принадлежать государству; но вѣдь не одни преступники идутъ бродяжить. На ряду съ преступниками двигаются люди свободные, живые члены общества, массами наводняющіе Сибирь, проникающіе туда вмѣстѣ съ ссыльными.

Вотъ объ этихъ-то людяхъ и слѣдуетъ заботиться обществу. Оно должно прійти на помощь государству, протянуть руку помощи своимъ братьямъ, выхватить изъ среды бродягъ тѣхъ, которые не погибли еще окончательно, не допускать до этой погибели грядущія, нарождающіяся поколѣнія.

Начинать дѣло необходимо съ фундамента, съ основанія, т. е. съ арестантскихъ дѣтей: ихъ спасать нужно, имъ помогать. Безспорно, это дѣло трудное; но тѣмъ энергичнѣе нужно приниматься за него, Трудность не должна насъ устрашать. Мы, русскіе, въ своей жизни, преодолѣли не одну трудность; мы пересиливали даже такіе явленія, бороться съ которыми казалось невозможнымъ. Въ дѣлѣ же спасенія людей, мы положительно не знаемъ трудностей. Кого мы только не спасали, кого не выручали и кому не помогали? И сколько трудностей пришлось преодолѣвать при этихъ спасеніяхъ и выручкахъ людей, которые во всякомъ случаѣ стоятъ отъ насъ дальше, чѣмъ наши братья и дѣти? Такъ неужели мы убоимся трудностей въ этомъ случаѣ?

Не хочется этому вѣрить! Какъ бы ни было трудно лучамъ свѣта проложить себѣ дорогу въ темный міръ ссылки, они все таки проложатъ ее. Вѣдь, вотъ, тучи, которыя преслѣдовали меня отъ самого Ламая, были до нельзя темны и мрачны; казалось, что они никогда не

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

разсѣются; а, между тѣмъ, первый-же лучъ, восходящаго солнца заставилъ ихъ проясниться, просвѣтлѣть. Также точно разсѣются и темныя стороны жизни арестантскихъ дѣтей, какъ скоро эта жизнь будетъ изолирована отъ жизни арестантовъ и освѣщена свѣтомъ разума и свободы!

К. Никифоровъ

Декабрь 1879 г.
Иркутскъ.

Конецъ.

Дозволено цензурою 20 февраля 1880 г. Издатель А. Нестеровъ.
Типог. газ. „Сибирь“ Преоб. ул. д. Рудыкъ № 1-й- Редакторъ Н. Тюменцевъ.